

Инна Бачинская

Детектив
сильных
страстей

Отражение бабочки

Детективный триумвират

Инна Бачинская

Отражение бабочки

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бачинская И. Ю.

Отражение бабочки / И. Ю. Бачинская — «Эксмо»,
2019 — (Детективный триумвират)

ISBN 978-5-04-099790-9

Разомлевший от жары город потрясла страшная находка – в обмелевшем озере был найден красный автомобиль с женским трупом в багажнике. Машина пролежала на дне не один месяц, и теперь найти преступника будет непросто. Очень быстро выяснилось, что машину угнали с охраняемой стоянки, когда ее хозяйка отдыхала за границей. По ярлычку на дизайнерском платье жертвы удалось выяснить, что это взбалмошная певичка Лера Огородникова, которая два года назад объявила всем, что улетает в Германию, и закатила прощальную вечеринку, после чего ее никто больше не видел. Даже лучшая подруга Огородниковой Лена Окуневская не знала, что Лера никуда не улетела. Впрочем, расспросить Окуневскую нет возможности: она тоже умерла...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099790-9

© Бачинская И. Ю., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Бойцы вспоминают минувшие дни...	8
Глава 2. Утренняя прогулка с Аделиной	13
Глава 3. Мужчина и женщина. Поиски смысла	18
Глава 4. Будни копирайтера	21
Глава 5. Шаг в нужном направлении	26
Глава 6. Письма незнакомки	30
Глава 7. Безуспешные попытки достучаться...	34
Глава 8. Версии, версии...	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Инна Бачинская

Отражение бабочки

© Бачинская И. Ю., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Однажды философ Чжуан-цзы во сне увидел себя бабочкой.
Проснувшись, он не мог понять: Чжуан-цзы видел во сне, что он –
бабочка, или бабочке теперь снится, что она – Чжуан-цзы?*

Из старинной китайской притчи

*Все действующие лица и события романа вымышлены, любое
сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.*

Автор

Пролог

Дикая жара, сушь, выгоревшее небо, вымерший город. Такое выдалось лето в этом году. Пустые столики уличных кафе – от солнца не спасают даже зонтики. На пляжах яблоку негде упасть. Поплавать можно за буйками – только там относительный простор и не нужно расталкивать локтями и коленями галдящих отдыхающих. Можно махнуть на ближние озера за реку, но и там толпа. А к нудистскому пляжику вообще не пробиться. Можно на Магистерское, но оно далеко, и машиной не проедешь, а тащиться лень. Можно в Черное урочище в Еловицу, там же и шашлычки устроить, но сыровато и комаров полно. А бездонное Черное озеро подсохло, уровень воды упал, и подходы превратились в топь. Но зато народу поменьше, и все свои, окрестные, знакомые друг с другом. Словом, хорошая домашняя обстановка. Со скалы, испи-санной разными словами, именами и памятными датами, можно с ревом или визгом нырять, поднимая при этом фонтаны брызг. Вокруг озера – круглая поляна со следами старых кострищ, дальше – густой лес, что удобно – всегда можно уединиться и даже собрать ягод...

Черное озеро... Загадка природы! У-у-у, страшилка! По слухам, бездонное, реликтовое, утыканное валунами, принесенными ледником. И вода черная. И трава на дне, как живая, цепляет за ноги и держит. И легенды всякие жуткие про утопленниц, русалок, водяных. А еще говорят, живет в том озере доисторическая нечисть, выходит ночью, воеет на луну. Черная Несси. Очевидцы клянутся, что видели собственными глазами! А некий местный умелец, мастер на все руки, однажды изобрел эхолот и опустил его в озеро, надеясь обнаружить там дожившего до наших дней реликта, или хоть кого-нибудь, но не судьба – то ли хитрый реликт держался подальше, то ли аппарат не добивал до дна.

Днем ничего, конечно, можно поприкалываться и попугать женский коллектив, сделать вид, что тонешь, поорать «Спасите!» или спихнуть подружку со скалы, а вот ночью... Ночью сюда лучше не соваться, это все знают. Тем более когда-то тут произошло страшное ритуальное убийство, было дело, и пару лет сюда никто носа не казал¹. Потом все подзабылось, поросло быльем, и жизнь понеслась по новой: гулянки, шашлыки, костры, песни и танцы. Бутылки, охлаждаемые в темных водах, дым, чад, запах горящего мяса, гомон и женский смех. Красота!

Вот и сегодня все то же. После шашлыков, картишек и волейбола затеяли нырять со скалы. И не просто так нырять, солдатиком или, скажем, уточкой, а с фантазией – с вывертом, винтом, переворотами и спиной вперед. На «слабо» и «кто дальше и глубже». На звание чемпиона и приз. Какой – сами догадайтесь.

Очередной соискатель вынырнул чуть не посреди озера с перекошенной физиономией и выпученными глазами, завопил:

– Мужики, там тачка утонула!

И в озеро ринулись все! Воды вскипели, народ нырлял с палками, надев маски, чтобы рассмотреть получше, прихватив камни, чтобы не выносило. Оставшиеся на берегу орали и подбадривали ныряльщиков, разделившись на группы верующих и скептиков. И только один человек, пенсионер, бывший директор школы Матвей Ипполитович, догадался позвонить в полицию.

...Там действительно была машина. Оперативники просили народ отойти в сторонку и не толпиться. А еще лучше разойтись по домам. Как же! Народ стоял насмерть, твердо намереваясь досмотреть действо до конца. А также сообщить эмчээсникам, что они козлы и надо не так, а вот так.

¹ Подробнее читайте об этом в романе Инны Бачинской «Лучшие уходят первыми».

На закате находку наконец вытащили. Это была красная когда-то «Тойота» – страшная, с помятыми дверцами и выбитыми фарами, укутанная в ил, обросшая водорослями. Через выбитые окна с ревом рванулась наружу вода. Народ ахнул и подался вперед.

Кран опустил тяжело осевшую машину на землю, от удара багажник раскрылся, и тут же раздался дружный вопль ужаса – там был человек!

Вернее, то, что от него осталось.

Глава 1. Бойцы вспоминают минувшие дни...

Савелий Зотов пришел на точку первым. Как всегда. Он всегда приходит раньше, так как страшно боится опоздать. Человек он трепетный и тонкий, каковые качества культивированы в нем постоянным чтением дамских романов – Савелий трудится редактором отдела остросюжетной дамской литературы в местном издательстве «Арт нуво». Читать все подряд входит в его обязанности. Казалось бы, работа не бей лежачего. Ан нет! Друг Савелия, капитан Коля Астахов, любит повторять, что, если бы ему пришлось глотать такое количество... э-э-э... *этого*, он бы сей секунд застрелился. Капитан решительный и суровый человек, скажет как отрежет, рассусоливать не будет. Одним словом, ать-два, левой. «Савелий и его бабские книжки», – говорит капитан с осуждением и качает головой.

Третий член спетого разношерстного триумвирата – профессор философии Федор Алексеев, оперативник и коллега капитана в прошлом, сменивший, по его собственным словам, военный мундир на профессорскую тогу. Тоже капитан, бывший. Пижон и красавчик, по мнению Астахова, за которым бегают толпы аспиранток. Он придет вовремя, так как полностью разделяет поговорку о том, что точность – вежливость королей. Сбросит белый плащ до пят и разматает черно-зеленый длинный шарф, если дело происходит осенью или зимой, а широкополую черную шляпу положит рядом на свободный стул, чтобы не сперли, как уже было однажды. А вот капитан, как всегда, опоздает. Влетит на рысях, стаскивая на ходу куртку и пожимая друзьям руки. Ненормированный рабочий день, перестрелки, засады... сами понимаете. Он человек государев, себе не принадлежит.

И старый добрый Митрич, хозяин точки, будет смотреть тепло и радостно... Ах да! Речь идет о баре «Тутси», штаб-квартире вышеупомянутого триумвирата, а Митрич – его владелец и бармен. Сидит себе на высоком табурете за сверкающей стойкой на фоне разноцветных винных сосудов, напоминая собой большую сонную рыбу, с полотенцем через плечо. Всех видит. И его все видят. «Тутси» приятный бар с постоянной солидной клиентурой, с уютно бормочущей над стойкой плазмой, с девушкой, поющей по вечерам не какую-нибудь попсу, а старинные романсы. А по стенам фотографии знаменитостей с автографами. Постоянные клиенты, зная о маленькой слабости Митрича, любящего *имена*, тащат к нему любую мало-мальски интересную заезжую личность, будь то футболист, артист или писатель. В результате появляется очередная фотография на стене – Митрич и знаменитость. Он прекрасно помнит обстоятельства эпохальной встречи и готов рассказать историю каждой фотки всякому, кто готов слушать.

Савелий Зотов, Федор Алексеев и капитан Коля Астахов его любимые клиенты. Когда они обсуждают какое-нибудь резонансное преступление, и горячатся, и капитан хватается за голову и кричит, что его уже достала мутная философия всяких сомнительных профессоров, которые ни хрена в этой жизни не понимают, так как напрочь оторваны, а всякие редакторы с бабскими книжками... те вообще! – Митрич чувствует себя причастным к событиям криминального мира и даже принимает в обсуждении посильное участие. Любо-дорого посмотреть, одним словом. Митрич поглядывает на триумвират, умирая от любопытства, время от времени позволяет себе подойти и вставить словцо-другое: что услышал случайно, какие слухи ходят по городу, что народ говорит... голос низов, так сказать. Вокс попули. А кто ж им еще скажет или подскажет? Капитан не располагает, с ним лучше держать язык за зубами; Савелий Зотов страшно далек от народа, ему даже если скажешь, не факт, что поймет – у него свое видение. А профессор Федор Алексеев... тот на своей волне и вообще все видит через призму философского восприятия действительности. Каждому в отдельности говорить бесполезно, а вот всем сразу – не поверите! Дает результат. После криков, споров, дурацких мутных идей Савелия с Федором и сурового реализма капитана они *набредают* на интересную мысль, в смысле, версию. Капитан сопротивляется, но больше для виду. Ему непонятно, как получается, что фан-

тастические идеи этой парочки, абсолютно идиотские поначалу, вдруг обретают некий статус возможной реальности и являют собой недостающие детали головоломки. И главное, как спелись! Савелий с бабскими книжками и бывший опер, ныне философ Федор Алексеев! Причем Федор здорово насобачился толковать Савелия: не успел тот и рта раскрыть, как Федор уже р-р-раз – и как на блюдечке толкование: так, мол, и так, молодец, говорит, Савелий, интересная мысль! И называет Савелия Дельфийским оракулом. Лицо у Савелия делается удивленным, он и сам уже не помнит хорошенько, что хотел сказать и какая мысль мелькнула в глубинах сознания. Капитан только головой крутит и крикает.

Федор Алексеев появился на пороге минута в минуту, обвел взглядом зал, махнул Митричу и направился к столику, за которым уже с полчаса маялся Савелий. Тот взволнованно поднялся: «Федя! А я уже заждался!»

Мужчины обнялись. Сентиментальный Митрич прослезился и промокнул глаза полотенцем.

Федор, похлопывая Савелия по спине, приговаривал:

– Рад, рад, Савелий! Прекрасно выглядишь, загорел! Как Зося? Малыши?

– Федя, ты не представляешь... Хорошо! Они хорошо... И Зося... – лепетал Савелий. – Как-то мы растеряли друг друга, ребята, собирались на Магистерское мужской компанией... Лето кончается! Ты опять куда-нибудь?

Савелий прекрасный редактор, но никудышный оратор, все знают. Его нужно дослушать до конца, а потом соображать насчет смысла.

– Никуда, Савелий, больше никуда. Соскучился по дому. Возраст, сам понимаешь...

Кокетство чистой воды! Возраст, жажда покоя, ах, усталость... Е-рун-да! Федор еще ого-го! Орел. Наставник юношества и его же кумир, предмет обожания старых и малых. О нем ходят легенды и анекдоты, без него полиция вроде слепых котят – все знают! У каждого молодого человека, его ученика, есть черная шляпа с широкими полями или хотя бы черно-зеленый длинный шарф. Общеизвестно также, что с Федором как с гуманистом всегда можно договориться. А какое у него чувство юмора! А как он дерется! Да, да, даром что профессор – накидает по сусалам и навешает таких люлей, что не скоро опомнишься. Боксер, каратист и опер в прошлом. А то вдруг появится на лекциях в черных очках! Все знают – камуфляж. Велосипед упал с антресолей, говорит, или лыжи. Не успел увернуться. Ха! Никто, разумеется, не верит. Подрался с очередным *ооп...* особо опасным преступником и теперь прикрывает синяк под глазом. Девочки все поголовно влюблены. Да что там девочки! Все влюблены! Его афоризмы повторяют, а лекции цитируют к месту и не к месту. Молод, гибок, понимающий и видит оппонента насквозь – философ! Несмотря на легкую седину на висках... А что, даже красиво, придает этаким академический шарм и подчеркивает сверканье глаз. А студент Леня Лаптев, тот вообще пишет анналы и житие философа Федора Алексеева и размещает написанное в сетях, приумножая славу любимого препода. Присочиняет изрядно, необходимо заметить.

Последний год Федор провел в Германии с лекциями. Митрич очень боялся, что он там останется навсегда, но Савелий и капитан убеждали его, что Алексеев вернется.

– Чтобы Федя остался в какой-то Германии? – волновался Савелий. – Ни за что! Даже если... мало ли... тут тоже много интересных людей!

– Вернется он, Митрич, даже не думай! – заверял капитан Астахов. – Здесь родные стены, дружбаны, Магистерское озеро, наконец. Ты, Митрич, и «Тутси»! Куда ж ему без этих радостей? И аспиранток навалом, прав Савелий. Да он живая легенда, студенты на руках таскают! Не-е, вернется! Хочешь, на спор?

– Ну что вы, какой спор, – пугался Митрич. – Конечно, вернется, никто и не сомневается. Но отпустят ли? Не посулят ли золотые горы? Не подsunут ли какую-нибудь местную златокудрую диву?

– Чтоб Федька нас на бабу променял? – возмущался капитан. – Даже не думай, Митрич!

Он вернулся! В родные пенаты. Обласканный европейским солнцем, покрытый ненашенским гляncем. Они ревниво его рассматривали и замечали морщинки в уголках глаз, непривычную горькую иронию улыбки, некую появившуюся чуждость и легкую отстраненность... Чужбина! Савелий прослезился от волнения, на щеках проявились красные точки, растрепались и упали на лоб жидкие пегие прядки... Савелий не красавец, но очень хороший и порядочный человек.

Капитан был суров и сдержан, как и подобает человеку военному. Только и сказал с легким прищуром:

– А мы уже заждались! Думали, все, потерял. Чего ж так? Плохо принимали?

– Дым отечества, – растроганно отвечал Федор. – Принимали прекрасно. Может, махнем на Магистерское, а? Поверите, снилось чуть не каждую ночь!

Да так и не махнули. Рутинка, то, се... А теперь вот и лето кончается. Хоть сбежаться получилось, а дальше будет видно. Савелий давно звал, все были «за», а на деле вышел пшик.

Савелий – на месте, Федор тоже. Ждут капитана. Митрич весь измаялся, фирменные бутерброды его имени – с колбасой и маринованным огурчиком, – приготовлены, холодное пиво тоже. Можно и покрепче чего, а капитана Астахова все нет.

Он появился, как всегда, взмыленный, в полете, полный радости и нетерпения.

– Федя! Савелий! Ребята! Савелий, молоток, что собрал! Митрич!

Обнялся с Федором, потом с Савелием. Они любили друг друга, эти парни. Такие разные, с разными взглядами на жизнь, из разных кругов, с разной жизненной философией... Тьфу, сказал бы капитан, услышав про жизненную философию, какая, к черту, жизненная философия? При чем здесь жизненная философия? Опять Федор мутит! Жить надо без всякой философии, потому что жизнь проста и понятна. Не кради, не убивай, не ври... в смысле, не по-крупному, и так далее. Не нами испокон веков придумано. И не надо будет никакой философии. А то насочиняли, понимаешь, оправданий: менталитет преступника, неподходящая среда, все детство простоял в углу, папашка опять-таки алконавт...

Они сели. Митрич уже летел к ним с дребезжащей тележкой.

– Как жизнь? – спросил капитан, и Савелий поспешил сказать, что все хорошо.

– Как Леопольд?

– Герман! Тоже хорошо. – Герман был сынишкой Савелия, капитан упорно называл его Леопольдом. – И Настенька! Пойдет уже во второй класс.

– Герман, конечно! – хлопнул себя по лбу капитан. – Память ни к черту. Как Зося?

– Такая же красавица? – поддержал друга Федор.

В их кругу бытовала легенда, что Савелий, шустряк этакий, отбил Зосю у Федора. Да, да, вы не ослышались! Было дело. Капитан от души оттоптался на обоих, а Федор нет-нет да и упомянет о своем разбитом сердце. Савелий смущается, начинает что-то лепетать, оправдываясь, и заикается больше обычного. Ладно, я тебя прощаю, говорит великодушно Федор, подумай сам, Савелий, ну, какой из меня муж? Философам должно оставаться одиночками, это классика, да и характер у меня... сам знаешь. Работаю по ночам, торчу до полуночи в бурсе, люблю думать в тишине, не обращаю внимания на быт, не терплю тряпок и щебета... Никакая женщина не выдержит, сбежит.

– Ребята! – Митрич вырос у их столика. – Я тут вам пивка и закусить! Давненько вас не было! Может, покрепче?

– Митрич! Сколько лет, сколько... Пиво нормально, жарко. Посиди с нами.

Митрич споро разгрузил тележку и присел на свободный стул. Обвел компанию взглядом и сказал:

– Это правда, что в Черном озере утонула машина? Говорят, в воскресенье вытащили.

– Какая машина? – удивился Савелий. – Пьяный за рулем? Живой хоть?

– Не слышал, – сказал Федор. – Коля!

Капитан не торопился отвечать, держал интригу.

– Правда, Митрич, – сказал наконец. – В Черном озере утонула машина, красная «Тойота». Вытащили в воскресенье, все верно.

– А водитель? – спросил Савелий.

– Водителя не было.

– Как же она утонула без водителя? Он что, выскочил?

– Сколько она пробыла в воде? – спросил Федор. – Что было в багажнике?

– Около двух лет. В багажнике...

– Около двух лет? – воскликнул Митрич. – Как это? И никто не заявил в полицию?

– Заявили. В багажнике были обнаружены человеческие останки.

– Почему в багажнике? – не понял Савелий.

– А что в твоих книжках?

– Убийство? – Савелий был потрясен. – Спрятали в багажник и утопили? Кто?

– Установили, чья машина? – спросил Федор.

– В угоне с двадцать пятого августа позапрошлого года. В багажнике женщина. При ней никаких документов. В машине тоже ничего.

– Это он! – сказал Савелий. – Владелец! Помню, в одном романе...

– Владелец машины тоже женщина, так что вряд ли, Савелий.

– Муж вполне мог! А что, думаешь, не бывает? Любовницу. Или мстил жене!

– Я тебе верю, Савелий, ты с твоим богатым жизненным опытом... Насчет мужа согласен, они вполне могут, но убить любовницу и сунуть в багажник жениного автомобиля... Даже не знаю, Савелий, что сказать. Но мысль красивая. Правда, они были в разводе. Спустя полгода она выехала из города – вышла замуж за шведа.

– Что говорит Лисица? – спросил Федор.

Лисица был старейшим и опытейшим судмедэкспертом, истиной в последней инстанции и ходячей легендой.

– Предположительно, жертва скончалась от удара острым предметом в правый висок, возраст примерно тридцать – тридцать пять, точнее не получается.

– То есть она не утонула, а была убита?

– Так точно. Воды в легких не обнаружено. В багажник ее положили уже мертвой. В сводках пропавших никого подходящего.

– И что это значит? – спросил Митрич.

– Это значит, что ее никто не искал. Родные не заявляли в полицию.

– Может, она приезжая и заявили в другом городе?

– База общая, смотрим все.

– А может, надо фоторобот? Методом графической реконструкции, я читал.

– Работаем, Савелий, – сдержанно сказал капитан. Помолчав, сказал: – А чего это мы сидим, теряем время? Пиво греется. Митрич, за тебя!

– За вас, ребята!

Они подняли бокалы и чокнулись...

– Надо бы поискать свидетелей, вокруг озера всегда крутятся компании подростков, может, вспомнят машину, – сказал Федор. – Знаю я это озеро, жутковатое место. Там несколько лет назад убили тележурналистку...²

– Помню. Твое последнее дело, – заметил капитан. – Тогда ты еще в капитанах ходил.

Всем показалось, что в его голосе прозвучал укор.

² Подробнее об этом читайте в романе Инны Бачинской «Лучшие уходят первыми».

– Там со стороны леса каменная платформа под углом, – сказал Федор после паузы. – Если загнать машину наверх, на скорости она слетит в озеро, как с трамплина. Как она стояла на дне?

– Как ты и сказал, кормой к платформе, течения там нет. Как слетела, так и стояла.

– Почему же ее раньше не нашли? – спросил Савелий.

– Больше воды было, вот и не нашли. А сейчас сухо, уровень в озере упал, – сказал Митрич. – И главное, никто этой женщины не хватился! Вот так, живет человек, и нет человека... Ужас! Если до сих пор никто о ней не вспомнил, то уже и не найти следов...

– Найдем, Митрич, не сомневайся. Сейчас Савелий расскажет, что пишут в книжках, Федор намотит что-нибудь из философии... Найдем. Ты тоже бди, может, услышишь что.

– Иногда человек и сам не знает, что ему известно, – заметил Савелий. – Мы смотрим, но не видим.

– Прекрасно сказано! – восхитился капитан. – Предлагаю выпить за тех, кто смотрит и видит!

Они выпили.

– И еще! Надо поискать с водолазом, он не стал бы возиться отдельно с ее вещами, – сказал Федор. – Все там.

Капитан молча кивнул...

Глава 2. Утренняя прогулка с Аделиной

Они бежали по каштановой аллее – тонкая высокая девушка и собака, длинная мохнатая такса почти красного цвета. Вокруг разгоралось раннее утро, солнце было еще белое и нежаркое, а воздух поражал кристальной свежестью и прохладой. Город просыпался и наполнялся звуками работы. Деловито гудели моторы, бормотало радио, верещала пожарная сирена – но все это где-то вдалеке, за гранью, подчеркивая покой и тишину, царящие в старом парке.

Время от времени девушка останавливалась и поджидала собаку – из-за коротких лап та отставала.

– Аделина, пошевеливайся! – говорила девушка. – Быстрее! На террасе отдохнем. Еще немного, давай, малышка!

Аделина протяжно, с подвыванием вздыхала и быстрее семенила короткими лапами.

Они добежали до террасы, с которой открывался вид на реку – над ней курился невесомый прозрачный туман. Пляжи были еще пусты – лишь пара смелых купальщиков совершала заплыв против течения, стараясь удержаться на месте, а вода упрямо сносила пловцов вниз к мосту. Заросли ивняка стояли неподвижно и казались нарисованными – ни ветерка, ни шевеления даже отдельного листа, только невидимые птицы громко радовались прекрасному солнечному утру.

На их скамейке кто-то сидел. Аделина остановилась как вкопанная и, задрав голову, взглянула на хозяйку.

– Места хватит всем, – успокоила та. – Нам много не надо.

Это была женщина средних лет, с распущенными светлыми волосами до плеч, в черном платье и в черных лодочках. Руки она сжала и положила на колени, рядом на скамейке оставила маленькую черную сумочку на длинной золотой цепочке. Женщина словно не заметила девушку с собакой и все так же пристально смотрела на реку. Хозяйка Аделины опустилась на другой конец скамейки, собака уселась на дорожке, настороженно глядя на незнакомку.

Несколько минут они сидели молча. Вдруг женщина повернула голову и спросила:

– Уже утро?

У нее был сосредоточенный немигающий взгляд, и девушка невольно поежилась:

– Утро. Еще очень рано.

– Река пустая, никого нет... Почему? – последовал следующий вопрос.

– Очень рано, еще холодно.

– Вы кто? Что вы здесь делаете?

– Я здесь бегаю каждое утро.

– Как вас зовут?

– Нина. А это Аделина.

Собачка, услышав свое имя, шумно вздохнула. Женщина перевела взгляд на источник звука и некоторое время молча рассматривала Аделину. Потом прикрыла глаза ладонью, откинулась на спинку скамейки и замерла.

Нина, чувствуя неуверенность и робость, спросила:

– Вам плохо?

Она вдруг заметила, что из-под платья женщины выглядывают кружева голубой сорочки, похожие, ночной.

– Я... не знаю, что-то не так... – пожаловалась женщина. – Этот парк... Он где?

– Неподалеку от центральной площади и театра... Знаете?

Женщина не ответила – сидела все так же неподвижно.

– Вы заблудились?

– Я... Не знаю. Все не так... Понимаете, все не так. Я не могу узнать... Все чужое. Вы кто?

– Я Нина, мы с Аделиной бегаем по утрам. А вы...

– И краска не отмывается... – Женщина протянула к девушке ладони. – Видите? Я не знаю, что делать... Видите?

Нина почувствовала, как сквознячок пробежал вдоль хребта – руки незнакомки были совершенно чистыми. Сумасшедшая?

– Страшная краска... ничего не помогает. Живая...

– Как вас зовут?

– Как зовут... – Незнакомка наморщила лоб и задумалась. – Елизавета. Можно Элиза.

– Где вы живете, Элиза? – спросила Нина. – Хотите, я провожу вас домой?

Женщина уставилась на девушку в упор странно напряженным взглядом. Лицо ее было очень бледным, губы плотно сжаты. Нина заметила осыпавшийся макияж и седину на висках.

– Домой? Хочу... Вы знаете меня?

– Я вас не знаю, – раздельно произнесла Нина. – Если скажете адрес, я провожу вас домой. Или позвоню вашим родным. У вас есть мобильник?

– Мобильник?

– Посмотрите в сумочке, – подсказала Нина.

Женщина послушно открыла сумочку, уставилась туда потерянным взглядом.

– Мобильный телефон, – напомнила Нина.

Та протянула ей сумочку. Нина заглянула внутрь – телефона там не было. Ей бросились в глаза пачка салфеток, ключи и крохотная косметичка.

– Свой адрес помните?

– Проспект Мира, – сказала женщина.

– А номер дома?

– Около банка... Я ничего не понимаю... – Она запустила пальцы в волосы, потрясла головой. – Что-то не так... Вы сказали, уже утро? Это парк? Почему?

– Пойдемте, Элиза, я провожу вас. – Нина поднялась. Аделина тоже вскочила.

– Куда?

– Домой. Вы сказали, проспект Мира...

– Да! Хорошо. – Женщина протянула руку, и Нина помогла ей подняться. – Холодно...

Она поежилась и обхватила себя руками.

– Пошли. Как вас зовут?

– Нина.

– Я вас знаю? Мы знакомы?

– Мы только что познакомились.

– Это ваша собачка? – Женщина пощелкала пальцами, подзывая Аделину. Та смотрела настороженно и подходить не спешила, но раз или два неуверенно вильнула хвостом.

– Она боится, – сказала девушка. – Идем?

Женщина кивнула.

Они медленно пошли по аллее к выходу из парка.

– Вы тоже гуляете по утрам? – спросила девушка.

– Я никогда не гуляю по утрам, – ответила женщина. – Я люблю поспать. Ночью смотрю кино... Есть хорошие фильмы. Я сова.

– Сейчас семь утра...

– Семь утра? – Женщина остановилась, уставившись в землю. – Не понимаю... Вы сказали, Нина? Вашу маму зовут Елена?

– Нет.

– Кто ваши родители? Я их знаю?

– У меня нет родителей... Так получилось.

– Вам снятся сны?

– Иногда. Какие?

– Что вы убегаете. Чьи-то шаги... Что вы без одежды... Всякие. Непонятные... Странные... Незнакомые места и люди... – Она надолго замолчала. Посмотрела на девушку и добавила: – Даже когда вы не спите.

Нина промолчала.

Они вышли из парка. Народу на проспекте было немного. Все было еще закрыто. Проехала поливальная машина, и резко запахло мокрым асфальтом.

– По-моему, мы пришли. Это ваш дом? Вот банк!

Женщина оглянулась, словно хотела убедиться, что они одни на пустой улице.

– Да! Сюда, – она устремилась под арку. – Здесь!

Женщина порылась в сумочке, достала ключи, протянула Нине. Девушка заметила, что у нее дрожат руки.

– Дом двадцать четыре.

– Может, позвонить по домофону?

– Там никого нет. Длинный желтый ключ... Код я не помню. Можно открыть ключом.

...Они медленно поднимались по лестнице. Второй этаж, третий. Нине было не по себе. В доме стояла глубокая вязкая тишина, казалось, он вымер. Старый домина с толстыми стенами, убивай, никто не услышит. Здесь жили, смеялись, плакали и страдали тысячи людей... Сколько ему? Лет семьдесят? Больше? Сто? И она действительно здесь живет – эта Елизавета-Элиза?

– Здесь! – Женщина остановилась перед квартирой с золотой цифрой девять. – Дайте!

Она взяла связку ключей, выбрала нужный.

– По-моему, дверь не заперта, – сказала Нина.

Женщина повернулась к ней. В глазах проскользнуло что-то... Неуверенность? Удивление? Страх?

– Сквозняк, – объяснила Нина, протягивая руку к щели между дверью и косяком. Нажала на ручку, и дверь подалась. – Вот видите. Вы забыли запереть.

Женщина, помедлив, переступила порог. В прихожей было темно. Она нащарила выключатель. Под потолком вспыхнула люстра, осветив большую прихожую со шкафами красного дерева, громадным зеркалом в богатом золоте и яркой афишей боя быков в Памплоне в черной узкой раме. Аделина пряталась позади и настороженно принюхивалась к запахам чужого жилья.

– Это ваш дом? – вырвалось у Нины. – Вы здесь живете? Одна?

– Одна. Никого больше нет. Хотите кофе? Нина, да? – Казалось, женщина стала приходить в себя. Речь ее сделалась связной, и выглядела она увереннее. – Проходите в гостиную!

Она махнула рукой:

– Я сейчас!

Нина вошла в гостиную. Это была большая комната с богатой лепниной на потолке, старинным резным буфетом под потолок и царским столом с массивными стульями, обитыми полосатой красно-зеленой тканью. Гипюр на окнах, тяжелые зеленые шторы, два высоких торшера, картины, китайские вазы...

Нина опустилась на кожаный диван с десятком ковровых подушек. Ей казалось, она попала в музей. Аделина робко жалась к ее ногам.

Елизавета появилась на пороге с подносом. В комнате запахло кофе.

– Вот, пожалуйста! Я еще не завтракала. Я утром только кофе и сыр. Хотите бутерброд?

– Ну что вы, не нужно! – Нина вскочила, чтобы помочь. – Я тоже утром не ем, завтракаю часов в двенадцать, не раньше.

– Вы тоже сова?

Нина кивнула:

– Люблю работать по ночам.

– Правда? А где вы работаете?

– Я копирайтер, работаю дома.

– Кто?

– Сочиняю рекламу на всякие товары.

– Как интересно! Я уверена, что видела вас раньше. Правда, не знала, что у вас собачка. Вы с четвертого этажа, я вспомнила. Может, дать ей мяса?

Женщина уже не производила впечатления потерянной, она пришла в себя. Хотя иногда замолкала и сосредоточенно смотрела в пол, словно пытаюсь вспомнить что-то.

– Она ела, не нужно, спасибо. Я...

– Я не против, – сказала женщина. – Мне всегда оставляют ключи. Подруга в Америке уже три года, и я поливаю цветы. Но я думаю, они пропали, я больше туда не хожу. Понимаете, в последнее время я немного устала и плохо сплю.

Она потерла виски кончиками пальцев.

– Забываю купить хлеб... – Женщина замолчала и задумалась, снова уставившись в пол.

Нина почувствовала холодок, пробежавший по спине, как и тогда, в парке. С хозяйкой явно творилось что-то неладное.

– Волны, понимаете? И крылья. Чувство полета. И потом... Я люблю читать криминальные романы, и кино тоже... Я никогда никого не обидела!

Прижав руки к груди, она смотрела на Нину умоляющим взглядом.

– Никогда! Ванесса говорит, у меня внутри падший ангел. Он убегал и спрятался тут, – она дотронулась рукой до груди. – Удивительная женщина! Экстрасенс. Все про тебя знает. Я рада, что мы встретились, совершенно случайно... Недавно. Это страшно, там что-то случилось... Ужасное. Мы с вами знакомы? Вы из нашего дома?

Нина поставила чашку с кофе на столик и поднялась. Ей было не по себе: следовало попрощаться у дома и сразу уйти. Нехорошая история. Похоже, она снова вляпалась в неприятности из-за своего дурацкого чувства долга и вины перед всеми... Всем должна, за всех в ответе. Карма такая. Или каторга.

– Вы когда-нибудь видели убитого человека? – вдруг спросила Елизавета шепотом. – Он лежит на спине, а вокруг головы красное... Кровь?

Она поднесла к лицу ладони, пошевелила пальцами, заметила сломанный ноготь и замерла, уставившись на него удивленно.

– Как в кино... Или это книга? – Женщина вытащила из-под диванной подушки красную книжку с золотыми уголками. – Вот! Я тут все записала.

Она протянула книжку девушке, и та машинально ее взяла.

Это был дневник, исписанный примерно до половины летящим неровным почерком.

– Хотите почитать? Только... Нет, не надо! – Она резко выхватила книжку у Нины из рук. – Это очень личное, всякие глупости...

Девушка почувствовала дурноту – ей вдруг стало страшно. Дом словно вымер, тишина гробовая, странная женщина, незапертая квартира, бессмысленные речи. Она принимает ее, Нину, за соседку сверху, она ее не помнит, она не помнит, что была в парке, она все время теряет мысль, трет лоб, пытается вспомнить что-то... И при чем тут убитый человек? О какой краске она говорила в парке? О какой крови? Как же оставить ее одну...

– Мне пора, – сказала Нина, пытаясь улыбнуться. – Я оставляю вам свой телефон на всякий случай.

Не удержалась, шкурой чувствуя, что не нужно... Ничего не нужно! Только убежать и забыть. Уходи, приказала себе, это не твои проблемы. В самом крайнем случае можешь поговорить с соседями. Может, она сбежала из психушки, и потом – есть же у нее хоть кто-то! Должен быть кто-то, кто присматривает.

– Очень жаль, – сказала Елизавета, тоже поднимаясь. – Вы даже кофе не выпили.

Она проводила гостью до двери. Нина продиктовала свой телефон, и Елизавета неровным летящим почерком записала его в блокнот, лежавший на тумбочке.

– И адрес! – попросила. – Я позвоню, тут телефон... Где-то. И вот! – Она пошарила в ящике и протянула Нине связку из двух ключей.

– Что это? – спросила девушка, удивленно рассматривая брелок с гномом.

– Это ключи, нужно поливать цветы... Как их? Орхидеи! И кормить собачку. Как ее зовут? – Она протянула руку к Аделине, и та попятилась. – Можно раз в неделю.

Собачка? О какой собачке она говорит? Здесь нет никакой собачки!

– Не нужно, – пробормотала Нина, подавляя желание немедленно выскочить за дверь. – Я не смогу, страшно занята. Честное слово!

Елизавета смотрела на девушку в упор, все еще протягивая руку с ключами.

– Возьмите! – сказала настойчиво. – Я вас прошу. Пожалуйста. Вы меня очень выручите.

Нина взяла, чувствуя всю нелепость происходящего, не понимая хорошенько, что нужно сделать. Торопливо побежала вниз по лестнице, лопатками чувствуя взгляд Елизаветы, смотревшей ей вслед. Выскочила из дома и придержала дверь, поджидая Аделину, сжимая в руке ключи от чужого дома. На миг мелькнула мысль бросить ключи в почтовый ящик – Нина помедлила, сомневаясь, она не умела принимать мгновенные решения, но тут Аделина выскочила на улицу и побежала к выходу со двора, и девушке пришлось побежать следом.

Глава 3. Мужчина и женщина. Поиски смысла

Он взглянул на темное окно и вздрогнул, увидев там мужчину, который смотрел на него. Не сразу он сообразил, что отражение в темном стекле его собственное. Долгий миг они стояли так, сцепившись взглядами, мужчина и его отражение, а потом он на негнущихся ногах бросился к выключателю. Комната погрузилась в темноту, и он больше не видел ни женщины на полу, ни себя в оконном стекле. Башня смотрела на него десятками глаз-окон. Он все стоял, не решаясь пошевелиться, не желая принять то, что произошло минуту назад. Время не остановилось, отсчитывая секунды, и не было ни малейшей возможности остановить его и повернуть вспять, чтобы переиграть. Он сжал кулаки, чувствуя себя загнанным зверем. Что же делать, думал лихорадочно. Уходи, произнес кто-то внутри. Уйди. Беги. Пошел вон. Это случилось. Теперь думай, как выбраться из ямы. Ты должен что-то придумать. Никто тебя не видел.

Он налег плечом на тяжелую дверь и вышел на улицу. Следующий час он просидел над стаканом пива в каком-то дешевом баре, грыз ноготь и лихорадочно взвешивал «за» и «против», понимая, что ситуация сложилась хреновая и дурная, и выход у него, похоже, только один.

Он заставил себя подняться, сознавая, что все его метания и лихорадочные поиски смысла не что иное, как уже принятое решение. А куда денешься? Безумная надежда, что если убрать за собой, зачистить, то никто и не хватится... Да, да, да! Уехала, и с концами. Он дергал себя за мочку уха, как всегда в минуты волнения, прикидывая, как и что нужно делать. Придется вернуться. При мысли, что туда нужно вернуться, желудок подкатывал к горлу. И вдруг безумная надежда: она пришла в себя, ожила, и все уже в порядке!

В любом случае придется вернуться.

* * *

Два года большой срок. Угнанный автомобиль в свое время искали, но безуспешно. Знаете, сколько машин числится в угоне? Вы не поверите! Среди пропавших не было никого, кто соответствовал бы описанию женщины в багажнике. Никто не хватился ее, бывает и так. Подростки, чуть ли не все лето живущие в палатках в Черном урочище, ничего подозрительного припомнить не смогли. Чтобы тачка свалилась в озеро? Не, не было! Да и какой дурак будет топить машину при свидетелях? Мы тут не каждый день, может, тогда дождь был или буря, или вообще облава, сказал один из тусовщиков. Как только обворают дом отдыха, тут рядом, менты сразу сюда, мол, знаем мы вас, кто, как не вы! Шмон по палаткам и в лесу, ищут ворованное, пакуют братву в обезьянник. Ну, мы и рвем когти куда подальше. Они побегают и сваливают. Тогда можно незаметно скинуть тачку. Может, они сами и скинули. Менты. А чего? Мало ли, прибили тетку по ошибке, и концы в воду.

Версия, конечно, интересная, но уж очень фантастическая. Федор Алексеев предложил позвонить владелице транспортного средства, может, вспомнит что-нибудь стоящее. Заодно сообщить, что угнанная машина нашлась, если хочет, может забрать, ухмыльнулся капитан Астахов.

Федор как опытный переговорщик решил позвонить сам. Капитан нашел телефон, а он позвонил. Женщина долго не понимала, чего от нее хотят, говорила, что претензий у нее нет, страховку ей заплатили, правда, меньше, чем ожидалось, ну да это теперь неважно. А тогда было обидно до зеленых соплей. Новенькая «Тойота», муж отдал при разводе – ему квартира, ей машина и дача.

– Я с нее пушинки сдувала, нарадоваться не могла, месяц ревела... И самое интересное, что угнали-то с платной стоянки – около речного порта, место двадцать три, представляете? А сейчас у меня «Вольво», белая, муж подарил, – похвасталась, не удержалась. – А где ее нашли? Где? В озере? Этот козел угнал машину и свалился в озеро?

Женщина рассмеялась:

– Живой хоть? И что теперь? В тюрьму? Так ему и надо, гаду!

Ничего странного, что предшествовало краже автомобиля, она припомнить не смогла.

Федор вычеркнул вторую строчку в составленном им подробном плане мероприятий и добавил новую: «Платная стоянка, речной порт». Дохлый номер, сказал капитан. Можешь мне поверить, сторожей, скорее всего, турнули, а перед тем как турнуть, вывернули наизнанку. Тем более лет за пять до того там случилась пара угонов, сторож был замешан, репутация пострадала. Глухой номер, даже не парься.

Но Федор не внял и начал не со сторожа, а с головного офиса платных стоянок «Цезарь».

Парковка у речного порта была небольшой, всего на пятьдесят машин. Двадцать семь постоянных клиентов, остальные случайные. Красная «Тойота» занимала двадцать третий отсек, платежи поступали вовремя, клиентка пользовалась услугами этой стоянки полгода. Все три сторожа были уволены сразу после ЧП, контора частично возместила ущерб клиентке, вопрос решался со страховой компанией. Федор выписал данные уволенных, а заодно и постоянных клиентов – на всякий случай.

Он любил работать по ночам. Тишина, покой, никаких телефонных звонков, а если лето, то вообще красота – балкон открыт, ночной ветерок шевелит гардину и доносит запах ночных цветов. Думается замечательно, в голову приходят всякие интересные мысли, на столе рядом керамическая кружка с кофе, черная снаружи, красная внутри, дизайнерская. Третья, пятая... Нирвана!

Он рассматривал список с фамилиями, ожидая вспышки в подсознании, всплеска интуиции, блаженного предчувствия удачи: осторожнее, не торопись, тише, тише... И озарение! Этот! Номер восемь. И имя не такое, и фамилия... Все не такое! Подозрительный тип. А вот мы его за жабры. И окажется, что машину угнал именно он! С одной целью – спрятать в багажнике задушенную женщину и сбросить автомобиль в Черное озеро. Расчет был правильным – если бы не засуха, не факт, что обнаружили бы. Если сторожа не замешаны и не допустили на стоянку чужака, не были в сговоре, то убийца – клиент! Явился, допустим, ночью, когда сторож дремал или смотрел кино, показал пропуск и уехал на чужой машине. Вскрыть, нейтрализовать противоугонное устройство и завести двигатель для умельца не проблема. А как, по-вашему, их угоняют? Утром сторож сменился, сменщик ни сном ни духом, что ночью клиент увел чужую машину, а хозяйка хватилась через несколько дней... Как-то так. В идеале, при благоприятном стечении всяких мелких обстоятельств, беспроблемный вариант. А что? Очень даже. Правда, сейчас везде камеры...

Ну, это так, игры воображения, напряжение серых клеток, тренировка шестого чувства. Воспарение фантазии, если хотите, тем более что ночь и тишина. И здоровенная кружка кофе. И бронзовая танцовщица в пышной летящей юбочке – тонкие ручки над головой, факсимильный Чипарус с венского блошиного рынка, поднимешь глаза, а она летит. И сразу тепло на душе. И снова нырок в подсознание. В сыске главное быть занудой, не пропускающим ни одной детали, и в то же время фантазером, рассматривающим самые нелепые версии, а также аналитиком, умеющим ассоциировать, связывать, искать прецеденты, памятуя, что ничто не ново под луной. И самое главное, твердо знать, что преступник не умнее сыщика. А зачастую глупее в силу отсутствия опыта. Если, конечно, он не серийный маньяк, а дебютант.

«Поговорить со сторожами», – Федор добавил новую строчку в свой список. Может, вспомнят ночной визит клиента. Хотя почему ночной? Не факт. Возможно, преступник угнал

машину днем. Тогда он должен был иметь уверенность, что его не застукать владелица машины. В таком случае они могли быть знакомы, и он знал наверняка, что она не появится.

«Еще раз поговорить с женщиной из Швеции», – записал Федор. Спросить, кто крутился около нее – сосед по дому, по даче, может, его машина стояла рядом, перебрасывались словом-другим. Спросить о подругах и знакомых, может, кто-то выехал или просто пропал из виду... Вряд ли, конечно. Разве что для чистоты эксперимента.

И еще что-то мелькнуло раньше... Не записал, мысль ушла. Федор задумался, перебирая события дня, пытаясь нащупать мелькнувшую мысль. Что же это было? А! Вспомнил. «*Рассмотреть одежду жертвы!*» Одежда многое говорит о человеке, кому-кому, а ему это прекрасно известно, недаром капитан Астахов называет Федора пижоном. Есть у Федора такая маленькая слабость – красивая одежда, чего уж греха таить.

Протяжный вздох сигнала электронной почты заставил его вздрогнуть. Письмо. Федор взглянул в угол монитора, часы показывали три утра. Кому это не спится, интересно?

Глава 4. Будни копирайтера

...Копирайтер – это человек, умеющий словом продавать любые товары и услуги. Другими словами, это автор рекламных текстов.

Работа копирайтером требует наличия таланта, усердия и умения выражать мысли кратко, ярко и доходчиво, желательно слоганами... *Вроде бы из Википедии.*

А еще умения сочинять сказки, привирать, хитрить, юморить и находить то единственное словцо, которое прилипнет как банный лист. И будет потенциальный клиент маршировать и скандировать дома, на улице и на работе ввевшийся в сознание и подсознание слоган: «*Не га-зуй, сни-кер-суй! Ать-два, левой!*»

Создать удачный слоган – великое искусство и большая удача, если честно. Товара много, таланта на все не напасешься, а потому сходит и средний уровень. Главное, легкость, доступность, краткость, доверительность и уникальность. Последнее, как вы понимаете, штучный товар. Рецепт следующий: название бренда, точка, затем короткая убойная фраза. Например: «*Мерседес. Твой путь к успеху*». Или: «*Галстуки «Абогадо». Символ вашего превосходства!*» А вот еще: «*В носках «Арлекино» вы оторветесь от земли*». Между прочим, последнее мое.

И так далее. Такую прозу, как заметил один отечественный писатель, можно гнать погонными метрами.

Еще неплохо бы использовать узнаваемое лицо. Оно – половина успеха. Известная всему миру кинодива в прозрачном пеньюаре из «*В. Сикритс*» – и можно вообще без слов. В смысле: ах, нет слов! Правда, ее гонорары кусаются.

По секрету! Никто нас не подслушивает? Всегда можно позволить себе слегка как бы плагиатец. Спереть у коллеги, переделать, замаскировать, сместить акценты – и вуаля! Реклама подтяжек превратилась в рекламу автомобиля «Бьюик». Знание иностранных языков приветствуется, поскольку расширяет поле охоты.

Например: «*Сосо. Paris. Ведь вы этого достойны*» – типичный плагиат с французской версии: красотка в экстазе, не верит собственному счастью – в руке зажат флакон «Шанель номер 5». Идеи носятся в воздухе, бери – не хочу. Заверение, что *вы* достойны – красиво, удачный ход. Именно *вы*! Не она, не они, а *вы*! Потому что *вы* лучше! Не жмитесь, не жалейте на себя, потому что *вы* достойны!

Причем на женщин это действует сильнее, чем на мужчин. Женщина вся в ожидании чуда, а мужику пофиг.

Слово сбивает с ног. Слово-изюминка бьет наповал.

Однако ни один учебник ремесла не скажет вам, что хороший копирайтер должен быть занудой. Усидчивым, дотошным, пробующим слово на вкус занудой. «Зануда-копирайтер» – это должно расцениваться как комплимент. «Зануда-копирайтер» с оголенным нервом.

Из примеров удачной рекламы: «*Stimorol. Иногда лучше жевать, чем говорить!*» Лучше не скажешь. Смешно, легко, усвояемо, давно живет собственной жизнью.

А вот, например, из рекламы девятнадцатого века, уже давно забытая классика:

«*Мужчина из общества без шляпы Нокс – пьеса «Гамлет» без Гамлета*». На картинке шикарный мачо в шикарной шляпе.

«*Девушка в корсете от мадам Леру всегда выигрывает!*» На картинке томная красотка с осиной талией, в руке клюшка – она играет в гольф.

А реклама средств для похудения! Это же целое искусство! Попробуй, придумай что-нибудь новенькое! Например, вопросик: «*Вам куда? Нам сюда!*» И две двери: одна безобразно широкая, другая – узкая.

Или вот еще, очень миленько: папа обращается к сыну, очаровательному мальчугану двух примерно лет: *«А теперь, сынок, я расскажу тебе о том, что должен знать настоящий мужчина! Берем печенку «Салют» и макаем ее в молоко! Вкусно?»*

Вот это талант!

Еще вопрос: нужно ли говорить покупателю правду? Ха, да разве это вопрос? Вполне дурацкий. Нет, конечно! Вернее, это не ваше дело, уважаемый копирайтер, и не ваша проблема. Вот когда вас потянут на полиграф, тогда да. А так не ваша – и точка. Вы этот *баттерслим* и в рот не возьмете, но клиент должен усвоить, что *оно* вкусно и способствует похудению без всяких усилий и диет. Мы рабы восприятия и дети слова, мы беззащитны перед словом, нас можно убить словом или окрылить. А кроме того, нам нужно все и сразу. Есть один старый фильм про копирайтера, который слегка слетел с катушек и стал говорить правду. После опуса *«Без нашего слабительного у вас будет запор, а потом рак, и вы умрете»*, его отправили в психушку. Но самое странное, аптеки не успевали заказывать рекламируемый товар. Народ внял! Очереди растянулись на полгорода. Вот и получается, что секрет успеха – в искренности. Как только вам удастся ее изобразить, считайте, что дело в шляпе.

В психушке герой привлек к сочинению коллег-пациентов под девизом: *«Только правда, одна правда, ничего, кроме правды!»*, и те стали выдавать на-гора шедевры вроде: *«Почему «Сони»? Японцы маленькие, у них глаза ближе к интегральным схемам, и они лучшие видят»*. *«Ягуар»! Крутая тачка для крутого мачо. Все телки твои!»* *«Сигареты «Парадиз»! Рак легких – возможно! Божественный вкус? Да! Сейчас и сегодня!»*

Даже об усыновлении собаки: *«Собаки делают твою жизнь счастливее... Немного безнадёжно, да?»*

А вот еще реклама очков в картинках. Женщина без очков – дурочка с переулочка. Ну и физиономия! А в очках – леди. Мужчина без очков – небритая морда, очкастый хмырь в трехдневной щетине – интеллигент и тонкая натура.

Можно крутить пальцем у виска, фыркать и пожимать плечами, но ведь работает! Абсурд тоже товар. Немного *сюра* только на пользу. Цепляется как ириска к зубу, не отдерешь. Дает ощущение уникальности и, как ни странно, честности. Говорят, идиоты честны, потому что не умеют врать, какого-то гена не хватает.

Понимайте как знаете.

Слоган копирайтера: *«Заставь его оглянуться! Влупи ему по мозгам! Дай пинка!»* Он – это условный покупатель.

Мое. Придумано мною. Запатентовано. Шучу! Действительно мое, но разрешаю пользоваться. Берите, не жалко. Я еще себе придумаю.

Итак, над чем работаем сегодня?

Кстати, разрешите представиться. Нина Яницкая, копирайтер, не замужем, бойфренда тоже нет, зато есть собака, такса по имени Аделина. Немного безнадёжно, да? И квартира. Детдом выхлопотал мне комнату в малосемейке, и после шести лет упорного выпуска рекламного продукта мне посчастливилось поменять ее с доплатой на вполне приличную отдельную квартиру на четвертом этаже в неплохом районе. Это было счастье! Чистое незамутненное восторженное счастье. И еще балкон! С него-то я и начала налаживать свой быт. Купила крошечный белый плетеный столик и два креслица, втиснула их в невеликое пространство балкона и усеялась праздновать: красное вино, черешни и два пирожных. Как утверждается в популярной рекламе: *«Вы ведь этого достойны!»* Плюс вид на парк! Не столько парк, сколько скверик – с десятков деревьев и яркая клумба в центре, но вид же!

Вы можете спросить, как это мне пришло в голову удариться в рекламу и что для этого понадобилось. Трехмесячные интернет-курсы, отвечу я, широкий кругозор и способность шутить даже на собственных похоронах. Непотопляемость тоже пригодилась – для жизни в

первую очередь. Да, еще диплом учителя географии и истории. Он тоже поспособствовал кругозору.

Сцепи зубы и шагай, учил меня названный брат Костик. Нам не повезло с самого начала, но мы выгребем, слышишь, сестренка? Сцепи зубы, и вперед! И улыбайся, черт бы тебя подрал! Смейся над собой первая! И многое другое.

Я даже составила памятку выживания от Костика Вороны. Это не прозвище, а фамилия: Константин Ворона. Получилась маленькая книжечка, тридцать семь страниц всего. Если любопытно, можно найти интернет-версию, называется «Вороньи советы».

Костя – тренер по боксу, работает в Испании, женат на испанке. Зовет в гости, я обещаю... И остаюсь дома. Ты как моль в коконе, сердится Костя. Неужели? Я рассматриваю себя в зеркало. Ну... При известной доле фантазии, может, и моль. Вам бы макияж поярче, уважаемый копирайтер, «потому что вы достойны»! Не привыкла. Первый раз накрасила губы в двадцать четыре. И все время облизывалась, испытывая дискомфорт. А на тени вообще аллергия, глаза сразу краснеют, чисто кролик. А тут еще дурная привычка сидеть за компом по ночам. Впрочем, днем тоже.

Вот приедешь, моя Лорка научит тебя боевой раскраске. Лорка – Долорес, Костина половина, танцовщица, женщина южная, яркая, горячая в отличие от выдержанного и спокойного супруга. А то как моль в коконе. Опять!

Разве моль бывает в коконе? А если мне хорошо в коконе? А если я не хочу выходить из кокона? Если я люблю сидеть за компом и пить красное вино на балконе? Сидя на плетеном креслице. Их два, я сижу то на одном, то на другом. Аделина тоже сидит то на одном, то на другом. Она любит сидеть мордой к парку, потому что там гуляют собаки. Она тоже не прочь погулять там, но мне парк не нравится – сразу начинают приставать другие собачники, все толкуются друг у дружки на голове, здороваются, знакомятся, дружатся, обсуждают собак. Мешают думать. Я все время сочиняю слоганы – в парке, на улице, в магазине. Крутятся мыслительные шестеренки. Поэтому мы гуляем в парке у реки. Вернее, бегаем по утрам. С шести до семи. И я снова сочиняю. Почти никого нет – бегают такие же немногочисленные ранние птички, тишина, покой, хорошо думается, никто не пристаёт. Ну, такая уж я есть! Моль в коконе. Прекрати, говорю я себе. Не моль, а бабочка. Спящая бабочка-царевна. Пока в коконе. Придет время, бабочка проделает в коконе дырку, расправит крылья и полетит далеко-далеко.

Бабочка! Из полупрозрачной бумаги, на нитке, красно-голубая с черными кружочками на крыльях, с маленькими выпуклыми глазками-бусинами. Нажмешь кнопку на спинке – она летит! Гудит моторчик, она летит зигзагами, ударяется в стены и падает. Тут же снова взлетает. Хрупкая и прочная, не ломается. Бьется о стены и не ломается. Что за бабочка, откуда странная память – не знаю. Не было у меня никогда такой бабочки! Может, из сна? Или из жизни *до*? В детдом я попала в три года после аварии, в которой погибли родители. Они погибли сразу, а на мне ни царапины. Может, была когда-то игрушка, красно-голубая бабочка с черными кружками на полупрозрачных крылышках... Конечно, была! Иначе откуда бы ей взяться в моих снах? Странная игрушка. На нитке летают самолетики и драконы, а тут бабочка. Я отчетливо вижу, как она взлетает вверх, потом в сторону, потом со стуком ударяется о стену и падает. Жужжит моторчик, спрятанный в брюшке. Бабочка снова взлетает – и снова в стену. Я чуть не плачу, понимая, как ей больно. Я боюсь, что она сломает крылышки, я понимаю, что не нужно нажимать на кнопку, и нажимаю снова и снова. И все повторяется. По заданной орбите, на нитке, с которой не сорваться и не улететь прочь...

Что это значит? Бабочка – это я? По кругу, в четырех стенах, на недлинной нитке... Что это? Судьба?

Не знаю. Может, ничего. Просто игрушечная бабочка на нитке. И все. Бабочка, и больше ничего. Просто странная бабочка. Летит и падает. Отряхивается и снова летит. Пока не уда-

рится слишком сильно и больше не взлетит. Какие глупости! Не надо так драматично смотреть на жизнь.

Кстати, о странностях... Эта женщина из парка, Елизавета! Элиза. Сунула ключи и листок из блокнота с номером телефона. Ключи надо было оставить в почтовом ящике, зачем мне чужие ключи? Два ключа и гном-брелок. От входной двери... Тоже странность! Для тех, кто не может запомнить код? И от квартиры. Вот так за здорово живешь доверить свой ключ совершенно незнакомому человеку? Странная женщина. Необычная. Потерянная. Непонятно, как она попала в парк. Говорит, что сова и смотрит по ночам кино. Оглядывается, словно не узнает... Она так и сказала: «Что-то непонятное... Не понимаю... Я вас знаю?»

Холодок бежит у меня вдоль хребта, я вспоминаю мгновенный укол страха – там, в ее доме... Даже Аделина испугалась и не захотела подойти, хотя страшно любит знакомиться. Что это было? Надо бы позвонить и спросить, как она. Сбрендил от одиночества? Смотри, копирайтер на нитке. Смотри и делай выводы. Оторвись от экрана и сгоняй в Испанию! Там жгучая красotka Лорка научит тебя любить жизнь и себя. И краситься тоже научит. А Костик будет смотреть на своих девочек и молча ухмыляться.

Похоже, она боялась. Я снова вспомнила свой страх...

Ладно, ладно, примем к сведению. Одиночество не есть хорошо, никто и не спорит. А теперь к нашим баранам. Итак, над чем работаем сегодня? Два новых аромата от среднеизвестной компании. Унисекс и романтическая женщина. Чем пахнет унисекс? Деревом, кожей, лавандой и черным перцем. А романтическая женщина – бергамотом, мятой, лаймом... и т. д. Жаль, не прислали образцов, интересно было бы вдохнуть и проникнуться.

С унисексом... Кстати, называется парфюм «Эль Торо», что в переводе с испанского, кажется, бык, нормально. Никаких слюней. Стилль агрессивный. Никаких сюсю-мисю, запах навоза и пота – настоящий запах мачо. Некий культовый автор однажды сказал, что от настоящего мужчины должно пахнуть луком и пóтом. Во-во, навозом, луком и пóтом. Современным неженкам мужского пола не понять, но тем не менее хочется чувствовать себя мачо.

«Эль Торо». Нападай и выигрывай!»

Напоминает всегда выигрывающую девушку в «корсэте» от мадам Леру. Ну и что? Все уже когда-нибудь было.

«Эль Торо». Ставь на силу!» Или: «Эль Торо». Иди и побеждай!» «Эль Торо». Запах свободы. Ты это заслужил». «Ты еще не купил «Эль Торо»? Тебя не поймут».

И так далее. С этим более-менее. А теперь прекрасная незнакомка. Новый аромат от Бриzzано «Golden Amber», флакон в виде спирали, пробка в виде чалмы, цвет в виде шампанского. Тяжелый, пряный, густой аромат: бергамот, ваниль, жасмин, корица, пачули и сандаловое дерево. Роковой аромат для роковой женщины. *Золотой янтарь*.

«Бриzzано. «Golden Amber». Потому что вы достойны».

О господи!

«Бриzzано. «Golden Amber». Только для тебя».

Не надоело? Безлико и банально. Добавить мрачности и стервозности. Почему-то стервы нынче в моде, всем хочется быть стервой, у стервы красивая, полная приключений жизнь – мужчины, бриллианты и лимузины. В бананово-лимонном Сингапуре, одним словом. Ничего не меняется.

Получайте дозу стервозности, девчонки, не жалко. Что-нибудь, что-нибудь... Сейчас!

Никаких «нежных нот лесного шиповника, июньской зовущей земляники, июльского дождя, мускусных нот жасмина» и розовых соплей. А также «иллейфа изысканности, благородства и желания». Реклама – тот еще коктейль. Сделайте нам красиво, дайте нам праздника. «Изысканности, благородства и желания иллейф, оставляемый женщиной...» А-а-а! С ума сойти, как красиво! Просто офигеть.

Женщина – жесткое слово, мрачное, сильное... Как передать? Решительная поступь, тайное свидание, тяжелый убойный аромат, желтый флакон, пробка в виде чалмы, взгляд исподлобья. Вамп. Восток. Гарем. Верблюды. Ослы. Стоп! Куда тебя несет?

«Аромат мечты». Хило, избито, нет изюминки. Аромат мечты, роса юности, родник надежды... Бр-р-р!

Думайте, прекрасная моль в коконе на нитке. Поройтесь в Сети. Поищите свежую струю. Напрягите извилины.

«Бриззано. *«Golden Amber»*. Ты – лучшая!»

«Бриззано. *«Golden Amber»*. Ты – янтарная пантера».

«Бриззано. *«Golden Amber»*. Дерзкая в ночи».

Да что это с тобой? Имей совесть.

Глава 5. Шаг в нужном направлении

Выстрел насчет сторожей – и осечка. Один умер, другой подсел за разбойное нападение, третий – в наличии, но ничего припомнить не может. Уволили его незаконно, у него вообще был отгул всю неделю. И вообще он работал там всего ничего – три месяца. Нашли козла! Ну и черт с ними. Если тачку угнали с их стоянки, то только свой. Сторож? Вряд ли, а вот клиент мог стопудово. Как? Зашел ночью, показал пропуск, выехал на чужой тачке. Никто бы не кинулся проверять, особенно если старый клиент. На другой день снова зашел, взял свою. И шито-крыто. Тем более если хватились через неделю. Журнал регистрации, конечно, есть, но сами понимаете. А камера все время вырубалась. Как гроза, так сразу и вырубалась!

Мысль насчет когда «хватились» была интересной, и Федор Алексеев, не откладывая дело в долгий ящик, снова позвонил шведской женщине. Она удивилась и, кажется, обрадовалась возможности поболтать с соотечественником. Да, машина исчезла, когда она была в Египте. Вернулась красивая и загорелая, а тут такой подарочек. Заявление написала двадцать пятого августа: «Как сейчас помню!» Она радостно рассмеялась. Помнит ли соседей по стоянке, проявлявших интерес? Она задумалась. Федор терпеливо слушал шорохи эфира. Наконец она сказала, что, да, были соседи, здоровались, перекидывались парой-другой слов, приличные вроде люди. А при чем тут они? Это же хулиганье угнало и утопило. О женщине в багажнике она, разумеется, ничего не знала. Какие имена, удивилась, никто ни с кем не знакомился. Машина рядом со мной стояла американская, «Форд» вроде, серая. Хозяин нормальный мужчина, всегда комплименты говорил, но без хамства. Потом его место заняли. На вопрос, когда он исчез – до Египта или после, она ответить затруднилась. Бегала к ним как дура, надеялась, а вдруг покатались и вернули, а там стояла уже другая машина.

Они почти подружились, и она пригласила его в гости. Федор обещал быть.

«Серый «Форд», – записал Федор на листке. Можно попробовать...

Он позвонил капитану Астахову и напомнил о своей просьбе. В итоге выяснил, что платё жертвы, судя по ярлычку, родом из местного Дома моделей «Икеара-Регия». Бинго, сказал себе Федор. Почти. Владелица Дома моделей была старинной знакомой Федора, приятельницей, можно сказать, еще со времен расцвета его полицейской карьеры. Регина Чумарова, знойная женщина, она же паровой каток, торпеда, хабалка и скандалистка. Такую характеристику однажды выдал партнерше совладелец Игорек Нгелу-Икеара, тоже добрый знакомый Федора. Кстати, пересеклись они когда-то по тому самому делу, о котором упоминал капитан, – убийству известной тележурналистки, чье тело было найдено у Черного озера. Похоже, имели место быть бег по кругу и возвращение к истокам.

Величественный мажордом в красной с золотом ливрее и фуражке с блистающей надписью «Икеара-Регия» распахнул перед ним дверь. Федор, памятуя, где сидит Регина, поднялся на второй этаж. Из раскрытой двери кабинета неслся крик и шум падающей мебели – похоже, там дрались. Федор растроганно улыбнулся – здесь ничего никогда не меняется! Заклятые враги-партнеры пребывали в состоянии перманентной войны. Прущая напролом крикливая Регина и иезуит Игорек, убивающий спокойствием и сарказмом. И ревность, конечно. Регина в свое время заведовала скромным ателье индпошива и звезд с неба не хватала, а Игорек – дизайнер от Бога. Сказывалась кровь двух рас, белой и черной: мама Игорька – наша женщина, папа – кениец, в итоге – великий артист. Однажды они пересеклись, Игорек стал работать на Регину, дела пошли в гору, и гадкий утенок, ателье «Ромашка», превратился в прекрасного лебедя – Дом моделей. Но Регина была бы не Региной, если бы не лезла командовать и давить местечковым вкусом. Игорек брыкался, сколько хватило сил, а потом сдался и укатил делать карьеру в столицу. Ателье «Регина» стремительно пошло на дно. Потом дизайнер вернулся, не преуспев, и они снова сцепились в клинче – боец в весе пера, легкий и подвижный Игорек,

и молотобоец и каменная баба Регина. В итоге родился совместный проект «Икеара-Регия», в статуте которого черным по белому записали, что *совладелец* Регина сидит на финансах и отчетности, а творчеством занимается *совладелец* Игорек. Совладельцы! Регина сопротивлялась и торговалась изо всех сил, Игорек высокомерно поворачивался спиной и хлопал дверью. Через месяц Регина сдалась.

Федор вырос на пороге в тот момент, когда Регина занесла руку, собираясь швырнуть в делового партнера голого деревянного человечка с руками-ногами на шарнирах – символ Дома, придуманный Игорьком. При виде Федора она от своего намерения отказалась и со стуком вернула куклу на место.

– Федя! – воскликнул Игорек, бросаясь к не успевшему увернуться Федору, заключая его в объятия и расцеловывая в обе щеки. – Федечка!

– Философ! – рявкнула Регина. – Живой!

Она выбралась из-за стола, отпихнула Игорька.

– Отпусти! Задушишь! – И тоже обняла гостя. – Красавец ты наш!

Растроганные, они молча смотрели друг на дружку, вернее, присматривались, отмечая метки времени. Седина в волосах, три-четыре лишних кэгэ, морщинки, обильно заштукатуренные и покрашенные... Эх, время!

Регина была, как всегда, в белом. Белая открытая блузка, белый жакет на спинке стула, короткая юбка, открывающая колени с наплывом, каскад бирюзовых бус и браслетов – не иначе, дизайн Игорька. Тот был в желтом, расшитом золотом длинном сюртуке с большими золотыми пуговицами, в желтой же, распахнутой до пупа атласной сорочке, в оливковых кожаных очень узких штанах с напуском на щиколотках. Оба были до невозможности хороши.

– Регина, прекрасно выглядишь, – искренне сказал Федор. – Все молодеешь!

– Да ладно тебе! – отмахнулась Регина. – Этот же, – она кивнула на Игорька, – все кишки вымотает! День за три, не поверишь.

– Ага, как же, кто кому! – Игорек подмигнул Федору. – Отметить надо бы... Регина!

– А как же! Моментом сообразим! – Женщина проворно достала из тумбы письменного стола квадратную бутылку виски. Приказала Игорьку: – Достань там из холодильника!

Тот снова подмигнул Федору. Вынул из блестящего холодильника пластмассовые коробки с какой-то снедью, лимон и ведро со льдом.

Они пододвинули стулья к столу и сели. Регина разлила.

– Первая колом! Поехали, мальчики! Эх, хорошо!

Они выпили. Регина крикнула, закусила лимоном. Страшно сморщилась. Игорек цедил медленно, насыпав в стакан доверху ледяных кубиков. Федор не допил и отставил рюмку, соврав, что за рулем.

– Не свисти! – Регина ляпнула здоровенной лапой по столу. – Не выпустим!

– Не выпустим, – вторил Игорек. – Как ты вообще, Федя?

– Не женился? – ухмыльнулась Регина. – Бабы небось на шею вешаются?

– Не встретил пока, – сказал Федор. – А ты?

– Я? – Регина задумалась. – Разве сейчас мужик пошел? Хлипкий, капризный, все на халаву норовит. Был бы ты постарше, Федя...

Игорек фыркнул.

– Ладно! Поехали! – Она снова разлила и смерила Игорька ироническим взглядом: – Тебе тоже или хватит?

Игорек прикрыл стакан ладошкой.

– Кто б сомневался, – хмыкнула Регина. – Вторая соколом! Федя, за тебя!

Она снова лихо опрокинула. Игорек возвел глаза горе, чуть отхлебнул и выразительно взглянул на Федора.

– Третья мелкой пташечкой! – объявила Регина.

Она побагровела и все время улыбалась. Язык у нее стал слегка заплетаться. Похоже, она сделалась совершенно счастлива и все время повторяла:

– Федечка, красавец ты наш! А вот сделаю тебя лицом Дома, а? Согласен?

– Я уже предлагал, – сказал Игорек. – Он не хочет! Федя, может, передумаешь?

– Ученики не поймут, – отбивался Федор. – Засмеют, им только попадись на зуб. Кстати, хотел спросить...

Он попытался перейти к делу – не дали.

– Есть замшевый пиджак, твой размер, – закатил глаза Игорек. – Со скидкой! Элитная продукция.

– Я подумаю, спасибо. Кстати, о пиджаках. Хочу спросить о женщине, возможно, вашей клиентке...

Игорек и Регина переглянулись.

– Старые дрожжи, – сказала Регина. – Без тебя никак? Как там твой дружбан, этот... Старлей Астахов!

– Капитан. Нормально, трудится.

– Хочешь спросить о женщине с Черного озера? – ухмыльнулся Игорек. – Между прочим, я так и сказал Регине: без нашего Федора тупик! И оказался прав. Ты хочешь сказать, что она была нашей клиенткой?

– Снимаю шляпу! – восхитился Федор. – Думаю, она была вашей клиенткой. На ее одежде ваша этикетка.

– Что это?

– Жакет, цвет красный, отделка коричневая, длинный...

– Помню! «Мулен Руж»! – воскликнул Игорек. – Шикарная модель!

– Это правда, что ее убили? Или сама упала? – спросила Регина.

– Что значит сама? В багажнике? – фыркнул Игорек.

– В багажнике?! – не поверила Регина. – Он засунул ее в багажник? Сволочь! Ну, мужики!

А ты говоришь.

– Ты прямо как пришелец, – сказал Игорек. – Андроид! Я ж тебе рассказывал. Память тренировать надо.

– Пошел ты! Ничего ты мне не рассказывал, я вообще неделю болела.

– Ага, болела она! Не надо ля-ля. Ты еще скажи, что...

– Не вспомните, кто купил такой жакет? – перебил Игорька Федор. – У вас, как я понимаю, штучный товар, не массовый...

– Четыре было. Два купили приезжие, два местные. Местная дива из драматического, Стася Вильмэ. Вроде жива, забегала на днях. Еще один... Не помню, как звали, типа Лера, фамилии не знаю, платила кешем. Этой давно не было. Ты думаешь...

– Как она выглядела?

– Платиновая блондинка, рост сто шестьдесят семь, девяносто, шестьдесят, девяносто пять. Она?

– Что ты о ней знаешь? Где работала, статус... Все!

Игорек пожал плечами.

– Не работала, – сказала вдруг Регина. – Помню я ее. Лера, точно, примерно тридцать, не замужем. Был мужик, не жадный. Она еще взяла «Горный ирис» и...

– Платье! Моя модель, – похвастался Игорек. – Синее.

– Что-то о себе рассказывала? Где проживала, адрес? Доставка ваша или забирала сама?

– Сама. Помню, он заезжал за ней.

– Какая машина?

– Темная... Не очень.

– Может, серая?

– Может. Не помню.

– Какие-то особые приметы? Может, рассказывала про друга...

Регина задумалась. Игорек выразительно дернул бровями.

– Они жили около площади рядом с башней! – вспомнила Регина. – Она говорила, что башня портит пейзаж и сквозняки от нее. Из себя ничего особенного, смой краску – в толпе не заметишь.

Башней назывался семнадцатизэтажный жилой дом, строительство которого было сопряжено со скандалами и судебными процессами. Под него откусили часть сквера и старый двор с детской площадкой. Народ протестовал, ложился под самосвалы, но башня росла как заколдованная и все-таки была построена.

– Она была певицей! Точно! Пела в «Прадо». Лера! – воскликнул Игорек.

– Спасибо, ребята! Вы мне очень помогли, – сказал Федор искренне.

Платиновая блондинка по имени Лера... Валерия? Элеонора? Пела в «Прадо» – самом крутом городском ресторане, жила в центре, около башни, даже параметры в наличии. Ну что ж, это результат.

Глава 6. Письма незнакомки

Да, действительно, была такая, сообщила Федору Алексееву главный администратор «Прадо» – девушка в строгом черном костюме по имени Светлана. Не Валерия и не Элеонора, а Лариса. Лариса Огородникова. В штат она не входила, работала по контрактам, а пару лет назад уехала за границу, вроде в Германию. Были проводы, доверительно сообщила Светлана, а зачем вам? Федор улыбнулся и сказал, что его друг был в городе проездом, увидел эту девушку, не может забыть, не спит и т. д. Светлана растаяла. Девушки любят про любовь.

– Уехала! Проводы заката, счастливая, радостная! Как сейчас помню, двадцать первого августа, а на другой день у нее самолет. Хорошая девка, свойская, правда, шепутная. Обещала звонить, но, знаете, как это бывает. Уехала и забыла. Новые знакомства, может, вышла замуж за немца.

Да уж, подумал Федор, вышла. Вся вышла.

– Она поддерживала с кем-то близкие отношения? – спросил он. – С кем-то из ваших дружила?

– Дружила! – Светлана на миг задумалась. – С зав-хозяйством. Была у нас такая, Елена Окуневская, уволилась... Ну да это наши местные разборки, – оборвала себя. – А так вроде ни с кем особенно, у нас много новых, народ приходит и уходит, текучка страшная. Договор можно посмотреть в кадрах, если интересно, только нужен официальный запрос. А фотки на рекламном сайте «Прадо» висят до сих пор. Адрес Огородниковой есть, пожалуйста! Адрес Окуневской? По-моему, тоже есть. Сейчас!

Она была красотка, эта Лариса Огородникова, судя по фотографиям на сайте. Лера, уехавшая за границу, а на самом деле, возможно, и не уехавшая вовсе. Возможно, это ее тело было обнаружено спустя два года после убийства в багажнике красной «Тойоты», угнанной со стоянки в речном порту. Обнаружено совершенно случайно, благодаря засушливому лету...

Федор рассматривал фотографии молодой женщины.

Впору было задать себе вопрос: что это? Цепь случайных случайностей или случайных закономерностей, в силу которых все тайное рано или поздно становится явным? Что же случилось с Лерой Огородниковой? Почему она не уехала и как оказалась там, где оказалась? Если, конечно, это она. Что же с тобой случилось, Лера? Случайное убийство? Не похоже. Уж очень четко спланировано действо: слухи об отъезде за границу, никем не замеченное исчезновение, угнанная машина, и концы в воду. Двадцать первого прощальный банкет, двадцать второго отлет в Германию, тогда же, видимо, была угнана машина, что было обнаружено не сразу, а спустя несколько дней, и только двадцать пятого владелица написала заявление. Кстати, надо напомнить капитану проверить всех улетевших в Германию двадцать второго августа. Поезда тоже. Она могла уехать машиной... Значит, проверить, пересекала ли границу.

А теперь поговорим с подругой Леры, Еленой Окуневской, решил Федор. С этого и начнем.

Он достал из папки адрес: Пятницкая, дом восемнадцать, квартира четыре. Центр, недалеко. Похоже, предстоит момент истины: Окуневская скажет, что общается с Лерой по скайпу, что у нее все в порядке, она там счастлива и возвращаться не собирается. Или: загуляла моя Лерка, на связь не выходит, мобильник не отвечает, обрубил все связи, а ведь как дружили! Никаких секретов. Окуневская несомненно знала бойфренда подружки – не могла не знать, и мы остороженько потянем за ниточку...

Ощущение скорой развязки охватило Федора – скорой развязки и удачи. У него даже нос зачесался в предвкушении интересных событий.

Он несколько раз позвонил в дверь квартиры Окуневской, но ему не открыли. Разочарованный, он вышел из подъезда в пустой двор и остановился, раздумывая, что делать – подождать или зайти позже. Спросить было не у кого, двор был пуст.

– Ищите кого, молодой человек? – окликнули его с балкона на втором этаже. Федор поднял голову, прикрыв глаза ладонью как козырьком от солнца, и увидел толстуху в сарафане, перегнувшуюся через перила.

– Ищу Елену Окуневскую, – доложил он, обрадованный, поздравляя себя с удачей – знал он таких толстух, которых хлебом не корми, дай посплетничать.

– Да она ж умерла! – всплеснула руками толстуха. – Два года уже. А вы ей кто будете?

– Как умерла? – не поверил Федор.

– Угорела от газа. Она и раньше пила, а когда выгнали с работы, вообще ушла в запой, – толстуха понизила голос. – По пьяни поставила чайник и уснула. Чудом весь дом не взорвался. Слава богу, Витек учуял... Вернее, его собака! Стала выть и царапаться. Они в одной квартире жили, в разных комнатах. Ее муж свою комнату в карты проиграл. Ну, Витек дверь и вышиб! Газ прикрутил, вызвал аварийку и «Скорую», да поздно было.

Возбужденная толстуха упоенно выкладывала все, что знала о соседке, и Федор подумал, что она скучает.

– Когда это случилось? – спросил он.

– Два года будет пятнадцатого сентября, как сейчас помню. А вы ей кто?

– С работы, – соврал Федор. – Ей причитается кое-что, а она не идет.

– И не придет! – сказала толстуха. – Поздно хватились. Хорошая женщина была, царствие ей небесное, душевная. Хоть и пила. Муж подзаборник и картежник, она его сколь могла тянула, а он квартиру проиграл, шаромыжник. И на похороны не пришел, мы по соседям собирали.

– А родные?

– Одна она, никого больше не было. Она не отсюда. И с мужиками не везло. Да и где они, эти мужики! – Толстуха махнула рукой. – А много хоть денег?

Федор чуть не спросил: «Каких денег?», но чудом удержался и сказал:

– Не очень. Спасибо большое.

– Не за что, – сказала толстуха. – Заходите.

Такого поворота Федор не ждал. Окуневская погибла спустя почти месяц после убийства Огородниковой – похоже, ниточка оборвалась. Если это Лариса Огородникова, поправил он себя. А как связана с ее смертью смерть Окуневской? Случайность это или нет? На первый взгляд нет, газ – опасная штука, а что там случилось на самом деле... Тем более Окуневская пила.

Что же дальше? А дальше поспрашивать в домах рядом с башней о Ларисе Огородниковой и показать народу ее фотографию. Если она жила в каком-то из домов в том районе, соседи ее обязательно вспомнят. И еще надо рассмотреть хорошенько список постоянных клиентов парковки...

Он позвонил капитану Астахову и отчитался о проделанной работе. Сказал, что погибшую, возможно, звали Лариса Огородникова, была она певицей в «Прадо», проживала в одном из домов около башни. Надо бы походить с фотографией по жильцам окрестных домов, ее обязательно вспомнят – человек всегда оставляет след. Возможно, ее друг все еще там. Капитан был, как всегда, страшно занят, поэтому не стал развивать тему мутной философии и попытаться, откуда дровишки, только и буркнул, лады, сделаем. Аплодисментов разочарованный Федор не дождался, на что втайне рассчитывал.

Он проверил почту, никто ему не написал, и он перечитал ночное письмо от корреспондента, подписавшегося: «Кошка драная». Первое письмо он получил около полугода назад. Судя по всему, писала женщина. Не мужчина же! Ни одному существу мужского пола не при-

шло бы в голову подписаться «Кошка драная». Подивившись странной фантазии, Федор не обратил на письмо особого внимания – решил поначалу, что это розыгрыш учней. Розыгрыш и своеобразное признание в любви. Капитан Астахов издевался над Федором, вешая на него кучу влюбленных студенток и аспиранток, и объяснял озабоченному Савелию Зотову, почему Федор никогда не женится. Что он, совсем дурак? На хрен? – вопрошал капитан. А любовь? – спрашивал трепетный Савелий, воспитанный на женских романах. Капитан отвечал демоническим хохотом.

Кошка драная сообщала, что давно собиралась написать, но стеснялась, посещала его семинары, разделяет его взгляды, накопила ряд животрепещущих вопросов и жаждет получить ответы в философском ключе и смысле.

Он не стал отвечать, не желая нарываться на дурацкие шуточки недорослей, но после третьего письма задумался и перебрал знакомых девушек, пытаясь выявить пишущую барышню. Неглупа, много читает, язык подвешен, способна четко и экономно донести мысль. И самое главное: одинока. Работает по ночам, тогда же пишет письма. О чем? Первое письмо было ни о чем, ознакомительным, так сказать; во втором спросила о коллективном разуме человеческого социума... Был у него когда-то такой семинар для «вольников» – то есть открытый для посещения всеми желающими, во время каникул. Он собирал материал для монографии о поведенческих стереотипах. Приходили разношерстные слушатели, в основном пенсионеры, будущие абитуриенты и всяческие одиночки, которым не хватало общения, а хотелось поговорить или высказаться. Была парочка неадекватов, которые несли запредельное про параллельные миры и голоса в голове. Был школьный учитель математики, ныне пенсионер, открывший загадку Бермудского треугольника: оказывается, подвижная магма болтается внутри земного шара на манер желтка в яйце, что вызывает перепады в силе тяжести, из-за чего, в свою очередь, происходит гибель кораблей и самолетов в определенных точках планеты. Таких точек десять, но знают в основном про Бермуды, так как они на виду. Тут же разгорелся спор «физиков» с «лириками» – последние считали, что причина гибели в затонувшей Атлантиде, в крайнем случае в подводных поселениях инопланетян, которые включают специальное излучение, чтобы отпугнуть любопытных. Шум стоял страшный, каждый хотел высказаться. Федор не вмешивался, наблюдал и присматривался, получая живейшее удовольствие и в который раз убеждаясь в свойственной человеку жажде общения. Не хлебом единым, одним словом. На последующих семинарах обсудили летающие тарелки, Илона Маска, колонии на Луне и Марсе, а также всеобщее падение нравов и морали. Некоторых участников он помнил, кого-то даже знал по именам, но не было среди них никого, кому подошел бы «кошачий» ник. Не было таких на занятиях. То ли она стояла за дверью, то ли была совсем никакая. До такой степени никакая, что он ее не запомнил. Кошка драная. Безликая, незаметная, не бросающаяся в глаза. А список посетителей он не составлял, они просто расписывались в журнале – сугубо для статистики. Федор не поленился, пролистал журнал: корявые записи, нечитаемые каракули, кривые инициалы...

Кошка драная... Что это, по-вашему? Самокритичность, чувство юмора или кокетство? Попытка заинтересовать? После третьего письма он все-таки ответил. Сухо, в двух словах. Извинился, что не отписался сразу, сослался на занятость и сообщил, что семинары возобновятся на осенних или зимних каникулах. Ничего личного. Она поняла, и письма прекратились на три или четыре месяца. А вчера ночью она снова напомнила о себе. Никаких философских тем, никаких попыток произвести впечатление, никакого выпендрежа и никаких понтов, выражаясь студенческим сленгом. Сообщила, что вокруг много странных людей. Как будто это такое уж открытие. Людей с Луны, которым неуютно на Земле, потому что они здесь чужие. В полнолуние они смотрят на Луну и разговаривают с ней. Иногда воют. Это они так плачут.

И знакомая подпись: «Кошка драная». Федор перечитал послание несколько раз и задумался. Она, похоже, именно из тех странных особей, что воют или разговаривают с Луной...

Больше не с кем? Кликуша? Сдвиги в психике? Нет, пожалуй. Письмо написано, как и те, первые, коротко, ясно, мысли изложены деловито, без малейшего намека на истеричность или неадекватность. Учни прикалываются? Не похоже, стиль и язык взрослого человека. Крик о помощи? Снова нет. Она ни о чем не просит. Что же ей нужно? А зачем они все приходили на семинары? Ей нужно общение, понял он. Живая душа. Иллюзия наличия собеседника. Она не столько пишет ему, Федору, из-за него самого, сколько рассказывает о себе. Делится. С ним и с Луной. Луна не отвечает, а он отвечает. Говорит ли Луна о ее возрасте? О Луне задумываются молоденькие экзальтированные романтические барышни... Вернее, задумывались! Сейчас вряд ли. Сколько же ей лет? Похоже, вполне зрелая особа, но вся еще где-то там, в юности или детстве. Разве только... Разве только Луна что-то вроде... Он задумался, подыскивая слово. Стеб! Она валяет дурака! Отсюда странное несоответствие между жестковатым стилем и «лунными» сантиментами! Тем более кошка драная. Малоэстетичное словечко «вой» не случайно, это испытание на разрыв, тут можно броситься утешать бедную барышню или подхватить игру. Как-то так. Кажется, мы ее раскусили, сказал себе Федор, привыкший расставлять все по полочкам. Ладно, пусть пишет. Подхватим игру и протянем руку. Интересно, чего она ожидает от него, Федора? Перед его мысленным взором промелькнуло смеющееся женское лицо.

Интересный опыт... Нет, потрясающе интересный! А если написать знакомым и друзьям под разными никами и предложить попить на Луну? А еще о летающих тарелках и параллельных мирах? И заключить пари с самим собой, кто ответит и что именно. Подсмотреть за реакцией, определить зависимость между характером, образованием и толерантностью к чуждым идеям. Можно задействовать учней. Проверить испытуемых на прочность, здравый смысл, открытость, чувство юмора, наконец. Идея – супер, решил Федор, надо обдумать.

Почему же она молчала почти четыре месяца?

У нее что-то случилось, внезапно понял он. Возможно. Что-то такое, после чего хочется завить на луну. И броситься ей, похоже, некуда.

Он ответил. Написал, что иногда ему кажется, что он тоже с Луны, и тогда он воет. Рассмеялся, покачал головой, словно удивляясь себе, и отправил письмо. Ей, Драной кошке.

Глава 7. Безуспешные попытки достучаться...

Меня разбудил телефонный звонок. Мой мобильник трепыхался на тумбочке под звуки «Маленькой ночной серенады».

– Алло! – закричала я. – Кто это?

Тишина в ответ. Мне показалось, я слышу слабое дыхание человека. Он молчал.

– Кто это? – повторила я. – Что вам нужно? Вы ошиблись номером! Не смейте звонить мне ночью!

Я сунула телефон под подушку. У меня дрожали руки и колотилось сердце. Да что это со мной? Мало ли как бывает? Ошиблись номером! В чем трагедия?

Глухие звуки «Маленькой ночной серенады» рвались из-под подушки. Помедлив, я вытащила телефон – радостная бравурная музыка колючками впилась в горло, и я закашлялась. Сидела, бессмысленно уставившись на голубой насмешливый глаз аппарата, испытывая уже не страх, а ужас. Господи, да что это со мной? Номер звонившего не высветился.

– Алло... – Я не узнала свой голос, он был чужой – тонкий и хриплый. – Кто это? Что вам нужно?

В трубке молчали.

– Елизавета? Это вы? Элиза?

Тишина в ответ. Вдруг Аделина, спавшая на коврик у кровати, тонко тявкнула.

– Брысь! – вскрикнула я с облегчением. – Тебя еще не хватало...

Тявканье Аделины встряхнуло меня, и я почувствовала, как разжимается на горле чья-то жесткая рука. В спальне стояли ранние утренние сумерки, слабо серело распахнутое окно, где-то очень далеко фыркал автомобильный мотор. Вокруг люди, что за истерика?

Я выключила телефон и попыталась уснуть, прекрасно понимая, что уснуть не удастся. Голова была тяжелой, в горле саднило. Я напряженно прислушивалась к звукам квартиры – в ушах звенел тонкий комариный писк. Как мало нужно, чтобы сбить с ног... Всего-навсего ночной звонок и молчание. Это все из-за Елизаветы, сказала я себе. Я здравомыслящая, нормальная, трезвая, неглупая... Откуда паника? Елизавета... Зачем? Что случилось? Больше никому. Номер не высветился... Мне что, больше всех надо?

Мысли расползались, не додумываясь. Я вскочила и побежала в прихожую. Сорвала с вешалки куртку, нащарила в кармане листок из блокнота с номером Елизаветы и ключи. Стояла босая на холодном полу, раздумывая.

...Она не ответила. Я набирала ее номер снова и снова, а в ответ лишь гудки. Тихонько подала голос Аделина. Она сидела на полу, задрав голову, смотрела на меня – морда озабоченная, в глазах слезы. Жалеет меня. Очень тонкая душевная организация.

– Все нормально, – сказала я. – Она просто спит. Это не она звонила, это кто-то ошибся. Аделина тявкнула.

– Что? Не веришь? Я тоже. Нам никто никогда не звонит ночью. Что же делать?

Я натянула на пижаму куртку, схватила ключи и выскочила из квартиры, приказав:

– Жди! Я скоро.

Я боялась, что передумаю. Еще минута, и я бы действительно передумала. Лететь к незнакомому человеку по ночному городу – это, согласитесь, странный поступок. Не проще ли дожждаться утра, позвонить еще раз и только потом действовать? Проще! Конечно, проще. Но... Издержки воспитания в сиротском заведении, должно быть. Принадлежность к братству обделенных, готовность подставить плечо и броситься спасать. Костик бросился бы. Сбегая вниз по лестнице, я слышала обиженное тявканье Аделины. Она меня не поняла и не одобрила. А может, обиделась, что я не взяла ее с собой.

Мне никогда еще не приходилось без спроса врываться в чужой дом, открыв дверь случайно попавшими в руки ключами. Пустой серый город спал. Эхо моих поспешных шагов металось в колодцах улиц. Казалось, будто рядом со мной бежит толпа. Часы на площади пробили четыре раза, а потом еще столько же. Четыре утра. Что я делаю?

Пустой двор, темные окна. Кажется, одно светится. У меня так дрожали руки, что я не сразу сумела попасть ключом в замочную скважину. В подъезде горела тусклая лампочка, пахло пылью, стояла та самая мертвая тишина, что поразила меня в первый раз. Я поднялась на третий этаж и остановилась перед дверью с номером девять. Что теперь? Позвонить? А если она спит? Мой страх уже казался мне глупым. Я стояла под дверью Елизаветы, сжимая в руке ключи. Больше всего мне хотелось развернуться и бежать, но я все стояла, прислушиваясь. Наконец, решившись, попыталась отпереть дверь. С облегчением поняла, что дверь отпираться не хочет. Значит, можно с чистой совестью убраться восвояси. Стоять! Еще одна попытка, и дверь подалась...

Затаив дыхание, я переступила порог чужого жилья и вобрала в себя его запахи. Странное чувство – кажется, тебя вот-вот схватят за руку и спросят... Или заорет сигнализация. Но все было тихо. Я перевела дух и шагнула внутрь. Слабый свет падал в прихожую с лестничной площадки. Оставить дверь открытой? Черт! Не знаю, вроде не так страшно. Но могут увидеть, или кто-нибудь зайдет, зато можно будет выскочить в случае чего... Я прикрыла дверь и постояла, привыкая к темноте. Впереди проявилась из темноты высокая белая дверь. Я сделала осторожный шаг, один, другой... Запоздало задумалась: а что я собираюсь сделать? Разбудить Елизавету? Извиниться за вторжение? Оправдаться? Дурацкая и нелепая ситуация. Уйти, пока не поздно? Но было уже поздно! В гостиной кто-то был, из-под двери пробивался слабый свет. Я услышала странные звуки, казалось, где-то капает кран. Кап, кап, кап... Жуткий глухой вязкий звук...

Я заставила себя войти. Горел торшер под красным абажуром. Мягкий неяркий свет выхватывал из темноты большой диван, на котором сидела женщина в белом... Не сидела, а полулежала, запрокинув голову. Распушенные светлые волосы, распахнувшийся купальный халат, красные пятна на белом... Елизавета! Звук падающих капель стал громче... Кап, кап, кап! Лужа крови у дивана, блики света на ее лакированной поверхности, вздрагивающей от падающих капель... Белый с золотым плоский айфон, выпавший из руки, отлетел к стене...

Я закрыла рот руками, стремясь удержать вопль! Колени мои подогнулись, и я опустилась на пол.

Не помню, сколько я так просидела и как сумела встать, цепляясь за стену. Помню только, как выскочила из квартиры и побежала вниз.

Через несколько кварталов я совершенно без сил упала на скамейку в каком-то сквере. Было совсем светло. В кустах пробовали голоса ранние птицы, на улице появились первые прохожие.

В висках стучали острые пронзительные молоточки. Вдруг меня тряхнуло: где мои ключи? Я оставила там свои ключи? Я пошарила по карманам куртки, ключи были на месте, мои и Елизаветы. Белый с золотом айфон... Откуда он взялся? Я бессмысленно рассматривала аппаратик, пытаюсь вспомнить... Он лежал около стенки! Должно быть, я подобрала его... Не помню. Я оглянулась невольно – мне почудился чей-то взгляд. Сквер был пуст. Только птицы в кустах. И я.

Что же делать? Позвонить в полицию? Выбросить ключи? Промолчать? Кажется, дверь не захлопнулась, ее скоро найдут... А если она жива? А если тот, кто убил, все еще в квартире? Я достала из кармана мобильный телефон и набрала номер полиции. Не помню, что я лепетала, кажется, назвала адрес и сказала, что убита женщина, ее зовут Елизавета. Не помню, что мне отвечали.

Меня вдруг обдало жаром: *они* найдут меня по номеру. Перед глазами в красноватом световом пятне повисла картинка: окровавленная женщина в белом на диване, черная лужа на полу, бело-золотой аппаратик у стены, красный купол торшера. Меня передернуло. Трясущими руками я вытащила сим-карту и выбросила ее, с трудом разломав. Я все равно ничего не знаю. Мне никто не поверит! Помчалась ночью в чужой дом к незнакомому человеку... А ключ откуда? Она сама дала вам ключ? Я словно чувствовала сверлящий взгляд следователя из сериала. Вы, гражданка, слышите себя? Она дала вам ключ? Зачем? И вы взяли? А может, он лежал на тумбочке в прихожей, и вы случайно прихватили... Странная, говорите? Заговаривалась? Богатая квартира, ночной визит, неожиданное пробуждение хозяйки... Как вы ее? Ножом?

Ножом? Я снова увидела красное пятно на белом халате, лужу крови на полу... В ушах забился пульсом сочный звук капель... Как, кап, кап... Может, в нее выстрелили? Нет! От выстрела проснулись бы соседи. Если там есть соседи, если там живут люди. Ножом... Наверное. Но там не было никакого ножа. Или я его не заметила?

Меня затошнило, и я задержала дыхание, прижав к груди ладони. И попыталась вспомнить, был ли там нож... Не помню. Ничего не помню. Пустота. Помню, как я отперла дверь, как увидела полоску света, помню жуткое «кап-кап-кап», помню, как вошла и увидела... Потом сидела на полу. Я не подходила к ней... Кажется. Дальше пустота. А после я бежала вниз по лестнице, по двору через арку на улицу, еще куда-то... Я с удивлением оглянулась, не понимая, как попала сюда. Сквер был мне незнаком. Улица была чужая. Меня кольнул страх, показалось, что я сошла с ума...

Я сидела, держа в одной руке ключи Елизаветы, в другой свои. У ножки скамейки валялась скомканная бумажка, и я подняла ее. Это был номер моего мобильного, записанный Елизаветой под мою диктовку. Я не знаю, как она оказалась в кармане... Правда, не знаю!

Я шла домой пешком, шагала как автомат по полужнакомым улицам, вздрагивала, увидев себя в витринах, всматривалась, боясь увидеть там чужого человека. Спрашивая себя: что я сделала не так? Не нужно было сломя голову бежать на помощь? Не нужно было лезть в чужую квартиру? Ничего не нужно было. Если бы меня там застукали... Вдруг меня окатило жаром: а если *тот* видел меня? Если убийца все еще находился в квартире? А что, если... Я судорожно оглянулась. Улица была пуста. И номера моего мобильного там не осталось. Остался! В ее телефоне... Но ее телефон у меня! Симка в моем уничтожена. Ее больше нет. Никто меня не видел. Отпечатки пальцев? Ну и что? Если никто никогда не узнает, что я была там, то и отпечатки мои без пользы. Мало ли... Гости, знакомые, соседи... Я была там всего-навсего один раз, меня никто не видел, было раннее утро. Я вдруг подумала, что оба раза было раннее утро и вокруг не было никого и ничего – ни людей, ни звуков. Странное знакомство, странные ранние визиты, странная женщина. Елизавета. Элиза. Чужая, незнакомая женщина. Меня могли видеть соседи – холодок вдоль хребта, стук в висках, пересохшие губы... Успокойся, тебя никто не видел!

Я оглянулась, присела на корточки и пропихнула белый с золотом айфон в сточную решетку. Он мелькнул рыбкой и пропал. Секунду спустя я услышала глухой стук.

Мне было стыдно за свои мысли: убили человека, а я трясусь и не знаю, кого бояться больше – убийцу, который мог меня видеть, или полицию. Говорят, им лишь бы схватить! Мне никто не поверит.

Страх! Мне было страшно. До какой же степени страх вытравливает в человеке человеческое, превращая его в маленький жалкий комок плоти, судорожно взвешивающий за и против содеянного.

Зачем она позвонила? Испугалась? Успокойся, ты не знаешь, кто звонил. Может, ошиблись. Ерунда! Ты прекрасно знаешь, что звонила она. Ты сделала глупость, помчавшись сломя

голову... Наверное, глупость. Что за дурацкая манера быть за все в ответе? Ты все правильно сделала. Тебя позвали, и ты пошла. Прекрати скулеж. Так и скажешь, если тебя найдут.

Проклятая квартира! Она не понравилась мне еще в первый раз. Я вспомнила, как мне было не по себе в первый визит... Это было предчувствие? И Аделина вырвалась оттуда, как из клетки, и понеслась вниз. А теперь она умерла, странная женщина Елизавета...

Аделина встретила меня, понурившись и вяло помахивая хвостом. Обиделась. Лапочка моя! Я схватила ее на руки, прижала к себе. Мне нужно было теплое существо рядом, я нуждалась в участии. Собака лизнула меня в щеку, и тогда я опустилась на тумбочку и расплакалась. Ревела, всхлипывая, раскачиваясь, давясь слезами, охваченная чувством безысходности, полная жалости к себе: по нелепой случайности я оказалась в орбите жертвы и убийцы!

Внезапно до меня дошло, что Елизавета мертва! Елизавету убили! Кто-то ударил ее ножом. Может, когда она звонила мне, в квартиру ломился убийца. Почему мне? Почему именно мне? Чужому человеку? Ответа у меня не было.

Глава 8. Версии, версии...

Части, которые просто нельзя собрать неправильно, все же будут собраны неправильно.

Из законов... международной ассоциации инженеров-философов

– Понимаешь, Савелий, непонятно, почему он угнал машину красного цвета, – обратился Федор Алексеев к Савелию Зотову. – Может, попытаешься объяснить?

На лице Савелия отразилась напряженная работа мысли, а также недоумение.

– Может, ему нравится красный цвет? – предположил он наконец.

Федор кивнул:

– Еще!

– Подвернулась красная...

– Хорошо. Еще!

Они сидели в заведении Митрича, где же еще? Пили пиво и общались. Савелий по обыкновению пришел на полчаса раньше, Федор – минута в минуту, капитан Астахов, как всегда, задерживался.

Митрич, сгорая от любопытства, поглядывал издали и время от времени приезжал со своей дребезжащей тележкой, которую Федор называл телегой Джаггернаута. Всякий раз, услышав странное название, Митрич давал себе слово посмотреть в Вики, что оно значит, да забывал. Он разгружал тарелки с бутербродами и стаканами, а Федор говорил, посиди с нами, Митрич, расскажи, что нового в мире. Митрич присаживался и рассказывал последние городские сплетни.

– Митрич, почему машина из озера красного цвета? – спросил Федор. – Как, по-твоему?

– Э-э-э... – озадачился Митрич и посмотрел на Савелия. – В каком смысле?

– Мы нашли владелицу красной «Тойоты», – сказал Федор. – Машину угнали с платной стоянки в речном порту. Точную дату угона установить невозможно, так как эта женщина была в Египте, а когда вернулась, машины на стоянке уже не было.

– Как это? Там же сторожа, камеры? Установить, кто дежурил...

– Нет точной даты, Митрич, а потому уволили всех. Я говорил с одним из сторожей, он сказал, что камера наблюдения была старая, вырубалась во время грозы, а гремело в то лето постоянно. То есть угонщик проник на территорию стоянки и уехал на чужом автомобиле, зная, что его хватятся не раньше чем через неделю, а к тому времени след остынет.

– Я читал, что в первые два-три дня раскрываются около семидесяти процентов преступлений, а потом все труднее, – заметил Савелий. – А тут два года...

– Верно, Савелий. Так почему она красная?

Савелий и Митрич переглянулись.

– Нравятся ему красные тачки, – сказал после паузы Митрич. – С детства. Ничего не может с собой поделать.

– Какая разница? – спросил Савелий.

– Красная бросается в глаза, таких в городе всего несколько штук. Я бы на его месте брал что-нибудь скромнее, принимая во внимание цель. Серую или черную, например.

– Ты сам сказал, что он знал, что машины не хватятся! – напомнил Савелий. – Такая была только красная.

– А откуда он это знал? – тут же спросил Федор.

– Он с ней знаком, знал, что она в Египте, – догадался Митрич.

– В качестве версии вполне. Или...

– Или в сговоре со сторожем! – выпалил Савелий.

– Тоже красиво. Но! – Федор поднял указательный палец. – Как вы представляете себе цепь событий, господа?

– Ну, он убил, – сказал неуверенно Савелий. – Потом угнал машину, чтобы спрятать...

– Со стоянки, в сговоре со сторожем, таким образом сделав его соучастником. А не проще ли было... – Он замолчал, давая им возможность развить тему самостоятельно. Смотрел выжидающе.

– Он не в сговоре, он ее просто угнал! – воскликнул Савелий. – Просто! Потому красная. Федя, он просто ее угнал!

На лице Митрича появилось удивленное выражение, и он открыл рот, собираясь снова спросить «как это», но тут у столика появился капитан Астахов.

– Коля! – обрадовался Савелий. – А мы уже заждались. Обсуждаем тут...

– Привет честной компании, – приветствовал их капитан. – Обсуждение слышно на подходе к заведению. И до чего вам удалось додуматься? Не в сговоре, говоришь, друг Савелий, а просто угнали? Потому красная. Можно спросить, какая, на хрен, разница?

– Привет нашей доблестной полиции, – сказал Федор. – Разницы никакой. Но! Вечное «но», вызывающее к сомнениям. Ты, Савелий, мыслишь в правильном направлении. Допустим, чисто гипотетически, имелся сговор, нужна была именно красная «Тойота», и отъезд владелицы оказался как нельзя кстати. Но при чем здесь убийство?

– Что значит при чем? – удивился Митрич. – Он же засунул тело в багажник!

– Верно. Получается, этот тип и угонщик, и убийца, так? Или *просто* угнал? Убийца *просто* угнал, как выразился Савелий. Савелий!

Савелий пожал плечами, вид у него был обескураженный.

– Как это? – опять спросил Митрич. – Что значит «просто»?

– Ты думаешь, их было двое? – хмыкнул капитан, пододвигая к себе тарелку с бутербродами.

– Именно! Их было двое, господа. Два не связанных между собой параллельных действия, и везде красная «Тойота», что есть всего-навсего совпадение и случайность. Один в сговоре... Гипотетически в сговоре со сторожем угнал со стоянки машину, другой угнал машину с того места, где угонщик оставил ее на пару минут, то есть схватил первую попавшуюся. В пользу версии о повторном угоне говорит цвет машины, уж очень он бросается в глаза. Убийца спешил, а потому угнал то, что подвернулось под руку. На сговоры и подготовку у него не было времени, кроме того, это была бы вполне дурацкая затея. Дурацкая, потому что ненужная и затратная по времени. Как долго, по-вашему, можно прятать труп до... Сами понимаете. Тем более летом. От силы двое суток. И в течение этих гипотетических двух суток он искал машину, которую можно было бы угнать. То есть, допускаю, сначала он соображал, *как* избавиться от тела... Если убийство было спонтанным. Я склоняюсь к спонтанному убийству, так как иначе ему не нужно было угонять машину. Произошло оно, вероятно, двадцать первого августа, почти два года назад, после прощального вечера. На другой день у жертвы был самолет.

– Почему спонтанным? – спросил Митрич.

– В силу все той же сложной траектории перемещения «Тойоты» с платной стоянки и до того момента, как она совершенно случайно подвернулась убийце... где-нибудь. Он не был готов, и ему пришлось угнать то, что подвернулось. Красивую, бросающуюся в глаза, новенькую с иголочки машину красного цвета. Если бы убийство было преднамеренным, он заранее продумал бы, как избавиться от тела.

– И что?

– А то, что к стоянке у речного порта он не имеет никакого отношения, как я было подумал. И со сторожами знаком не был. Он *просто* угнал, как справедливо заметил Савелий. Тот, первый угонщик, пошел выпить кофе, а убийца угнал угнанную машину. Снова *гипотетически*, разумеется, я не настаиваю на кофейной версии. Может, на радостях первый угонщик

оставил ключ в зажигании. Вы не поверите, но это имеет место быть довольно часто, капитан знает. А потому стоянку сбрасываем со счетов, это пустой номер. Кроме того, нам известно имя жертвы. Кажется, известно.

– Уже узнали? Откуда? – удивился Митрич.

– Тайна следствия и связи в мире моды. Предположительно, она пела в «Прадо», и зовут ее Лариса Огородникова. Звали. По месту работы указан ее старый адрес. Мы установили район, где она проживала на момент убийства, и добыли фотографию. Дальше, как говорится, дело техники. Допускаю, однако, что мы можем ошибаться. Капитан!

Коля не спешил отвечать, сосредоточенно жевал.

– Голодный как собака, – сказал с досадой. – Бегаю с утра, ни минуты свободной, как бродячая собака, честное слово! Пришел культурно отдохнуть с друзьями, а тут опять!

– А женщина? – спросил Савелий, пропустив мимо ушей жалобы капитана.

Капитан под настроение жаловался на жизнь, называл себя голодной бродячей собакой и грозился уйти к брату в бизнес. Была у него такая маленькая слабость – бросьте камнем, как говорится.

– Женщина... – проворчал капитан. – Все то же, все как всегда. Ну, есть женщина. Вроде наша. Жильцы дома четырнадцать по Толстого опознали ее. Она с мужем проживала в двадцать второй квартире примерно с полгода или больше, два года назад квартиру продали, и хозяин, Семен Леонидович Штольц, уехал на пээмже в Израиль. Соседка показала, что, по словам Семена Леонидовича, жилец приходился ему родственником. Это, как вы понимаете, не факт, может, *просто*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.